

ГЕРАЛЬДИКА В СОЧИНЕНИИ ЖАКА ДЕ АМРИКУРА
«ЗЕРЦАЛО ЗНАТИ ЭСБЕ» (XIV В.)

Аннотация: Известный генеалогический трактат «Зерцало знати Эсбе» (*Miroir des Nobles de Hasbaye*) Жака де Амрикура содержит 240 блазонов гербов льежской знати. Он позволяет говорить о практике наследования в XIV в. имени и герба по женской линии; в Эсбе нередко один из сыновей принимал родовое имя матери или бабушки. «Зерцало» представляет собой «вторичный» гербовник. Для периода до 1250 г. его достоверность относительна, для периода 1250–1400 гг. она намного выше. Устойчивые гербы прослеживаются с 1200 г., когда гербы стали наследуемыми. В этом обществе родовые связи были важнее политических. Незаконные дети носили отцовские гербы с бризурой. Ряд описываемых в тексте ситуаций, как реальных, так и легендарных, объясняют предоставление, отказ от герба, смену герба. Принадлежность к линияжу выражалась именно гербом. «Зерцало» Амрикура – огромный по объёму и по исследовательскому потенциалу источник. Оно позволяет рассматривать общность герба как выражение общности интересов и обязательство взаимопомощи. «Зерцало знати» Амрикура, возможно, вполне адекватно отражает геральдическую реальность в Европе в XIV в.

Ключевые слова: геральдика, «вторичный» гербовник, герб, генеалогия, линияж, родовое имя, блазон, изменение герба

Об авторе: Александр Петрович Черных – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, 119334 Москва, Ленинский проспект, дом 32А. signumivi@eandex.ru

---

Геральдическая рефлексия моложе ряда традиционных источников геральдики – монет, печатей, гербовников. Первые геральдические трактаты появились спустя примерно 100 лет после появления первых гербовников. Однако даже такие виды классических геральдических источников как гербовники и геральдические трактаты имеют пограничные примеры: часть трактатов включает в себя или завершается гербовниками, чаще всего блазонными, а часть гербовников, в том числе и рисованных, преду-

ведомляется трактатами, чаще всего относительно небольшими. Поэтому источники, обладающие геральдическим содержанием, всегда интересны. Таково «Зерцало знати Эсбе» Жака де Амрикура.

Жак де Амрикур жил в княжестве Льеж, а именно в Эсбе (Hesbaye). Земли Эсбе находятся на р. Мёзе (Маасе) близ Намюра; к юго-востоку от Брюсселя, между Намюром и Льежем. Это места первой волны геральдизации. Амрикур – маленькая деревушка на р. Иерн (Yerne), притоке р. Жер (Geer) в самом сердце Эсбе, ныне именуемая Ремикур. В XII в. там был построен донжон; крепость существовала в XIII в., а в XV–XVII вв. упоминалась как лежащая в руинах. К началу XX в. никаких её остатков уже не было и в помине [11: XII].

Происхождение Жака де Амрикура (Jacques de Hemricourt) (1333–18 декабря 1403 г.) не вполне ясно. Он был сыном Жилия де Амрикура (Gilles de Hemricourt) и Иды д'Абе (Ide d'Abée). По матери де Амрикур происходил из старинного знатного дома Даммартэн (Dammartin), по отцу его род далеко не столь высок. Дед историка Адам Томбуар (Adam Tomboir) был сыном крестьянина из деревни, принадлежавшей Амрикурам. Будучи взят в дом своего сеньора, Томá де Амрикура (Thomas de Hemricourt), он влюбился в одну из его дочерей, Мари, вместе с которой бежал в Сен-Трон (St-Trond), где вступил с нею в брак. Эта Мари была племянницей шевалье-баннерета Гийома Мальклерка де Амрикура (Malclerc de Hemricourt) и прабабкой историка. Два года они прожили в Сен-Троне, потом сеньор де Амрикур простил своего юного грамотного клерка, снова поручил ему управление своими имуществами, но дочь ничего не унаследовала. Адам вскоре оставил имя Томбуар и принял имя де Амрикур, которое таким образом перешло к потомку-историку. Возможно, что особое внимание к наследованию имени и герба по женской линии у Амрикура связано не только с распространённой практикой, но и с его собственной родовой историей.

И его отец, и он сам сделали заметную чиновничью карьеру. Отец был в Льеже чиновником при эшевенах в 1339 г. и имперским нотарием в 1344 г. (при епископах Адольфе де ла Марк и Энгельберте де ла Марк). В 1351 г. в возрасте 18 лет он стал служить у своего двоюродного брата Томá де Амрикура, нотарию в Суде Льежа. С 20 лет Жак де Амрикур был чиновником-секретарём и по смерти отца занял его место при эшевенах Льежа, на котором служил с 1356 по 1383 г. [5: XIV-XV]. Под руководством одного из рыцарей юный Жак изучил военное дело и приобрёл хорошие манеры [11: XIII]. В 1372 г. должность секретаря нобилитетного Родового суда (*Douze juges des lignages*, *Tribunal des lignages*) была вакантна и члены этой юрисдикции призвали на неё Жака де Амрикура, считавшегося компетентным в такого рода делах. Он принял должность, занимая в то же время и ряд других, в том числе и бургомистра Льежа. Князь-епископ Льежа Арнуль де Хорн (*Arnoul* или *Arnold de Horne*) назначил его одним из своих личных советников и ввёл в совет при епископе. Немалое влияние на Амрикура оказал льежский хронист и историк Жан Лебель (*Jean Lebel*, *Jean le Bel*) (ок. 1290–15 февраля 1370 г.), каноник Сэн-Ламбера. Надо полагать, что именно ему он обязан склонностью к историческим штудиям, вкусом к историческим и генеалогическим трудам [11: XVI].

Есть хартия 1403 г., в которой он квалифицируется как мессир Жак де Амрикур, рыцарь ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Это подразумевало все привилегии рыцарства, его можно было именовать мессиром или даже монсеньором [11: XVII-XVIII].

Первым браком в 1352 г. Жак де Амрикур был женат на дочери льежского суконщика Франсуазе де Миссион (*Françoise de Mission*) († 5.10.1382). Около 1383 г. он вторично женился вторично на Агнесс де Куар († 1397) (*Agnès de Coir*), вдове Жана де Лавуар (*Jean de Lavoit*). Оба брака существенно увеличили его состояние. В 1382 г. Амрикур жил в Льеже на улице Феронстре (*Féronstrée*), рядом с домами под знаками Слона (*l'Olifan*) и Леопарда (*Léopard*,

Lupar). Все они сгорели в 1468 г. [11:ХІХ-ХХІ]. Была у него и другая недвижимость в городе и зѣмли. К концу жизни его доходы позволили ему оставить хорошее наследство и сделать благотворительные вклады картезианцам, миноритам в Льеже и другим.

Жак де Амрикур умер 17 или 18 декабря 1403 г. в возрасте 70 лет и был похоронен в Льеже, в соборной часовне Клириков, поскольку один из его предков был её сооснователем, с эпитафией и изображением на надгробии. Эпитафия гласила «Здесь покоится мессир Жак де Амрикур, рыцарь ордена святого Иоанна Иерусалимского, который [...] милостью божией дожил до 1403 года, 17 дня декабря месяца [...]» (оставшаяся часть эпитафии относилась к его первой и второй супругам и другим родственникам) [11:ХХІ-ХХІІ].

Жак де Амрикур – известный автор XIV в., создатель нескольких произведений. Одно из наиболее известных его сочинений – «Зерцало знати Эсбе». Он начал писать его в возрасте 20 лет, вероятно используя при этом сведения и информацию, доступные ему как секретарю Родового суда.

«Зерцало знати Эсбе» (*Miroir des Nobles de Hasbaye*) – это составленный в 1353–1398 гг. генеалогический трактат на старофранцузском языке о знати Льежа и прилегающих территорий. С геральдической точки зрения оно представляет собой вторичный блазонный гербовник: в тексте содержится около 240 блазонов гербов льежской знати. Жак де Амрикур составлял своё «Зерцало» в течение 45 лет. Оно охватывает период с 1102 до 1398 г.; добавленное после этой даты вряд ли принадлежит Амрикуру. Сочинение получило известность и стало пользоваться успехом спустя 30 лет после его смерти. Многие ранние генеалоги использовали текст «Зеркала» для своих работ. Местонахождение оригинала неизвестно, скорее всего, он утрачен.

«Зерцало» сохранилось в 27 рукописях. Они, как правило, содержат не только «Зерцало», но и другие произведения Амрикура. Наиболее ранняя – рукопись А XV в.

(1430–1433 гг.) (в переплётe XVI в.), хранящаяся в Библиотеке Льежского университета, № 664. Рукопись С в Бельгийской Королевской библиотеке, № 524 начала XVII в. – с гербами, нарисованными прямо в тексте. В оригинале рисунков гербов не было, только блазоны. Большинство прочих рукописей хранится в Бельгийской Королевской библиотеке и Библиотеке Льежского университета и относится к XVI–XVII вв. «Зерцало» копировалось вплоть до появления издания 1673 г. [11:CCLXXIII-CCXCIX].

Первым изданием «Зерцала» было издание де Сальбрэ (de Salbray) 1673 г. [9]. Текст сформирован в две колонки: 1-я – перевод Сальбрэ на язык XVII в., 2-я – на языке рукописи, языке XIV в. На основе этого перевода К. де Борман (C. de Borman) в сотрудничестве с А. Байо и Э. Понселе (A. Bayot и Edouart Poncelet) в 1910 г. предприняли публикацию де Амрикура. Но сама рукопись XV в., на основе которой создавался текст первой публикации, ныне утрачена.

В издании 1673 г. на первом фронтисписе видно аллегорическое *Principauté de Liège*, сопровождаемое гербом епископства-княжества и держащее прямоугольное зеркало, в котором отражается *Noblesse*, блистающая отвагой и мудростью; сам Амрикур представлен справа, пишущим книгу на спине ветхого Времени. Эти же аллегорические фигуры использованы и в других изданиях.

Второй фронтиспис посвящён прославлению Жана-Гаспара-Фердинанда, графа де Маршэн. Эти графы де Маршэн упоминаются в тексте «Зерцала» (§ 979). Три другие – документальные – с надгробием Жака де Амрикура и других. На обороте одного с датой смерти Амрикура – картуш с изображением штриховки геральдических цветов и металлов. На виньетке перед текстом посвящения представлено изображение графа де Маршэн в медальоне с его гербом и девизом; на стр. 154 – церемония бракосочетания Расса Бородатого с прекрасной Аликс де Варфюзе [11:VI].

Вторым изданием «Зерцала» было издание Ш. Жало (Ch.-Fr. Jalbeau) 1791 г. [10]. Жало (Льеж, 14.02.1730–Мюнстер, 1.02.1795) в своём издании полностью отказался

от того чтобы учитывать текст оригинала, который считал написанным на варварском языке [11:VII]. Для издания Жало не пользовался никакой рукописью, а основывался на переводе де Сальбрэ, снабдив издание некоторыми генеалогическими примечаниями. Это издание эрудитами не уважалось, они предпочитали издание 1673 г. [11:VIII, CCCV].

На геральдическом фронтиспise представлена печать льежской знати (*Sigillum ordinis equestrium*) с гербом князя-епископа de Hoensbrouck, сопровождаемым четырьмя щитками с гербами Буйона, Лоса, Франшимона и Горна. На венке гербы знатных родов. Таблица с гербами воспроизведена в конце книги [11:VIII].

Оба эти издания дают подчас ошибочные воспроизведения гербов.

Следует упомянуть издание 1852 г. Ж.-А.-А. Васса (*Jacques-Antoine-Abraham Vasse*) (Дижон, 1800–Дьепп, 1859). Издание должно было содержать перевод «Зерцала» на современный французский язык, публикацию текста оригинала, генеалогические таблицы и гербы. Программа была декларирована, но не осуществлена, опубликован лишь перевод (186 стр.), который, тем не менее, учитывал различия между изданным текстом и рукописями Бургундской библиотеки.

Наконец, в 1907 г. по поручению Королевской исторической комиссии началась работа по подготовке нового издания трудов Амрикура. Критическое трёхтомное издание было прервано Первой мировой войной и смертью в 1922 г. одного из организаторов, Камилла де Борман, и завершено лишь в 1931 г. [8]. Это итог изучения «Зерцала» сегодня. Переиздания «Зерцала» выходят постоянно, но это перепечатки, не сопровождающиеся новыми научными подходами.

Мне не хотелось бы вдаваться в кодикологическую и издательскую историю «Зерцала». Упаси меня Бог предполагать, что с этой стороны оно не заслуживает внимания (интересующихся этими сюжетами отсылаю к изданию со-

чинений Амрикура 1910–1931 гг.), но по вполне понятным причинам меня несравненно больше интересует историческая геральдика в этом сочинении.

Источники «Зерцала» – это письменные, эпиграфические памятники и устные сообщения.

Амрикур использовал льежские хроники, но генеалогической информации в них немного. Было одно генеалогическое сочинение XIV в., возможно анонимное, аккумулировавшее генеалогические данные и остановившееся на 1350 г., но оно не сохранилось ни в оригинале, ни в копии, хотя есть тексты, близко напоминающие его [6:XXXII].

Есть предположения, что «Зерцало» – результат компиляции ряда произведений. Амрикур упоминает о неких «старинных писаниях» в § 605. Эта проблема источников-предшественников Амрикура дискутируется в историографии, но нас она интересует минимально, потому что геральдический компонент в них более чем скромен. Э. Понселе считает, что Амрикур не обладал необходимой информированностью и знаниями для такой большой работы [11:XXXIII]. С этим трудно согласиться. Разве что, возможно, в самом начале своего труда. Можно допустить, что первоначальной идеей Амрикура было продолжение труда его предшественника или предшественников, но в процессе работы замысел изменился и стал обширнее [11:XLIV]. Во всяком случае, Амрикур творил не в пустоте: XIV в. отмечен в Льеже наличием целой плеяды историков и эрудитов-анналистов [11:XXXVII].

Амрикур, надо полагать, обращался к церковным архивам и библиотекам, большинство которых были другим недоступны, чтобы не сказать – секретны, но уж к собранию хартий в соборе Сэн-Ламбер он имел непосредственное отношение [11:XLIV]. У него были хорошие связи среди клириков, с которыми он постоянно сотрудничал. Его служебные обязанности чиновника Родового суда давали ему доступ к разным источникам. Амрикур не приводит ни одной хартии, ни полностью, ни частично, но он их явно использует, что отличает его от современников.

Такой источник как печати, Амрикур знал, но того значения, которое они в действительности имеют, им не придавал [11:XLXIX]. Между тем, к началу XIII в. 99% рыцарей пользовались своей печатью; к 1300 г. все печати рыцарей были «конного» типа, каковой тип печати был зарезервирован исключительно за ними [11:ССII].

Погребальные памятники, многочисленные в храмах его времени, также могли быть источником сведений первого порядка, и Амрикур неоднократно упоминает, что обращался к погребальным памятникам в церквях и изучал гербы, там представленные. Средневековые надгробия сегодня редки, реставрация церквей и обновления в XVII–XVIII вв. уничтожили многие из них. К счастью, многие эпитафии ещё до их исчезновения были зафиксированы геральдистами [11:CCLXVII]. Во времена Амрикура это были не только камни с эпитафиями, но и повешенные гербовые щиты, изображения рядом с захоронениями. Описывая гербы рода Па де Вонк (Pas de Wonck), он напоминает, что их щиты с давних времён висели в церкви Воттема (Vottem) и сожалеет, что не всегда был внимателен к этим драгоценным памятникам [11:XLVII-XLVIII]. А это, конечно, совершенно другой уровень наполнения пространства гербами и геральдическими знаками. Практически нигде на таком уровне он не сохранился, ни в одном храме, ни на одном кладбище.

Жак де Амрикур имел многочисленных друзей. В «Зерцале» он пишет, что все славные рыцари его любили, и это похоже на правду: надо полагать, что и сеньоры встречали его труд благожелательно и были рады предоставлять необходимые свидетельства, удовлетворяя таким образом свои амбиции фигурировать в его книге [11:XVIII], а, соответственно, и в истории.

Многие сведения были получены Амрикуром от рыцарей старшего возраста. Э. Понселе считает устную традицию главным источником для Амрикура. Каждый человек в возрасте 70 лет имеет представление не менее чем о пяти поколениях – своём собственном, своих родителей и де-

дов, детей и внуков [11:L]. Что-то он узнал из уст своей бабушки Клеман лё Корню, умершей в возрасте 106 лет. Около 1360 г. он сам расспрашивал рыцаря Анри де Фекс (Henri de Fexhe) о мотивах оставления его дедом по отцовской линии «благородного боевого клича и герба Лимбурга», чтобы взять со стороны его матери (Hasdael) герб менее значимый и боевой клич Даммартэнов [11:XLXIX].

Есть, правда, основания и для упреков в его адрес: он грешит против истины, когда пишет, что в 1213 г. все 500 рыцарей льежской Эсбе сражались против герцога Брабантского на стороне епископа Льежского, а в действительности на стороне епископа выступили только 15 рыцарей [11:LIX]. Или, например, когда говорит, что видел хартию XIII в. с 14 печатями эшевенон Льежа, все с гербами Сен-Мартэн, чего в то время не могло быть, ибо только три эшевена носили упомянутые гербы [8:Т. I. Р. 304. § 605]. Весьма неполной оказывается его информация о том, что касается родовых связей за пределами Эсбе [11:LI]. Ряд данных Амрикура следует принимать со значительным резервом доверия. Амрикур не имел точных данных в отношении того, что касалось периода до 1250 г., его положения не всегда согласуются с данными источников, но что касается периода 1250–1400 гг., ошибки у него редки [11:IV].

Как говорит Амрикур в самом начале своего труда, «самая благородная и самая необходимая вещь, которая есть у человеческих созданий, помимо пяти телесных чувств, это память» [8:Т. I.Р. 1]. С первых же страниц Амрикур извиняется за лакуны, встречающиеся в его произведении. Он пишет: «часто бывает, что некая особа имела восемь или десять детей, а я могу говорить только о трёх или четырёх, ничего не зная о других» [8:4. § 1]. Он просит прощения за то, что подобная работа не может быть абсолютно полной [8:3. § 1]. Надо заметить, что это вполне естественно и объяснимо, это, можно сказать, невольные ошибки. Один из настоящих недостатков «Зеркала» – это отсутствие дат, когда семь или восемь поколений упоминаются последовательно, но без временных привязок, хотя не

надо требовать невозможного от сочинения XIV в. [11:LI-LIII].

Жак де Амрикур по своим взглядам был консерватором. Он считал, что несчастья, которые постигают страну и город коренятся в устремлениях мятежников. Ему, как образно он говорит в предисловии, больше нравится «мёртвый рыцарь, чем живой ротюрье». Он разделял все классические рыцарские взгляды: его восхищение вызывали красота и физическая сила, богатство одеяний, широкое гостеприимство; качества собственно рыцарские – отвага и дух приключений. Моральные и интеллектуальные качества рыцарей его не интересовали [11:XXIII-XXIV].

У него присутствует категория вины – таковой может оказаться непочтительность сына к отцу, или, например, пренебрежение правами церкви в отношении десятины, что может в исторической перспективе привести род к разорению [11:XXV]. В отношении потомков рыцарских линияжей, неспособных поддерживать свой уровень и предавшихся сельскому хозяйству, он использует малопочтительные выражения [11:XXV].

В X–XIII вв. в Льежском епископстве термин «noble» был синонимом свободного. Помимо вассального договора с сюзереном знатный не признавал над собой никакого верховенства. Не один, а несколько элементов характеризовали знатного: свобода, известное происхождение, проживание в замке, собственные владения, исключение из ординарной юрисдикции. Знатный жил за счёт своей собственности [11:CIV, CVI].

Вплоть до конца XIV в. знать и рыцарство были двумя разными ступенями аристократической лестницы [11:CLXXX-IX], но затем разница между благородными и рыцарями начала стираться. В XII в. экуюе было столько же, сколько и рыцарей либо немного меньше. В 1213 г. линияжи Эсбе насчитывали от 500 до 1000 рыцарей [11:CLXXV-CLXXVI]. В конце XIII в. некоторые из них участвовали в известных турнирах того времени. Первоначально только рыцари, но с начала XIII в. и экуюе тоже. Поскольку горожане

к участию не допускались, то в XIV в. они устраивали собственные турниры – в Монсе, в Брюгге, Лувене, Ипре и других местах.

Некоторые экуюе не были благородными, а происходили из ротюрье и горожан. И, судя по всему, на герб это не влияло. Некоторые экуюе занимали положение, равное положению рыцарей. У Амрикура есть примеры, когда сыновья горожан становились рыцарями. Первыми были льежские эшевены Жан Сюрле (Jean Surlet) в 1285–1312 гг. и Арнуль де Шарнё (Arnoul de Charneux) в 1308–1311 гг. [8:Т. I.Р. 87. § 98]. В XIV в. это стало происходить намного чаще [11:CLXX]. Богатые горожане и их старшие сыновья носили гербы [8:Т. I. Р. 303-305], гравировали их на своей металлической посуде [8:Т. II. Р. 52; Т. III. Р. CCXV]. Особая ситуация с городскими экуюе (*écuyers citadins*), поскольку в XIV в. военное ремесло среди городского населения было распространено. Судя по завещаниям, горожане имели свои доспехи [11:CCXIII].

С конца XII в. знать пользовалась титулом *dominus*, эмблемами и геральдическими знаками; они имели право на торжественные похороны, право быть погребёнными в церкви [11:CC]. Эти права сохранялись и при ухудшении состоятельности (младшие сплошь и рядом не имели возможности поддерживать образ жизни рыцаря [11:CCXIV]). Линьяжным наследием были герб, боевой клич и имя, хотя корреляции социальной структуры с гербами Амрикур не видит, и которой, скорее всего, не было.

В Эсбе родовые имена, связанные с топонимикой, известны с XI в. Нередко один из сыновей принимал имя матери, обозначаясь таким образом именем, отличным от имени отца [11:CCXXVI]. Иногда основой смены патронима был формальный договор, завещание [11:CCXXVII].

Текст Амрикура, как сочинение преимущественно генеалогическое, даёт много данных для исторической демографии.

В XIII в. брак между рыцарями и городским патрициатом не считался мезальянсом [11:CCXXXVII]. Насколько

можно видеть по «Зерцалу», и в XIV в. браки дочерей сеньоров с горожанами – нередкая и вполне нормальная в Эсбе вещь. При разрешённом брачном возрасте юноши – 14 лет, девицы – 12, обручения могли быть и в 3, и в 5 лет.

Амрикур всегда называет мальчиков раньше девочек, не обозначая порядок рождения девочек, не знает личных имён дочерей, и самый юный из мальчиков всегда упоминается предшествуя самой старшей из девочек. Тем не менее, согласно Амрикуру благородство (*gentillesse*) передаётся как по мужской, так и по женской линии. Иногда прямо говорится, что ребёнок именуется благородным «вследствие благородства его матери» [11:СХVIII]. В Льежском епископстве незаконность рождения была серьёзным препятствием для целого ряда проявлений социальной активности, хотя с точки зрения современников она не уменьшала благородства отцовской крови [11:ССXLVII]. Незаконные дети носили отцовские гербы с бризурой, которая обычно представляла собой перевязь, полную или усечённую (*barre, bâton*) [11:CCLI].

Рождаемость в XII–XIV вв. была высокой. Амрикур упоминает семьи с 15, 19 и 20 детьми, а 8 детей встречалось очень часто [11:ССXXXIV]. Он упоминает о 20 детях (от двух браков) Расса III де Варфюзе и восхищается Жилем Полардом де Нёвис (*Gilles Polarde de Neuvise*) († 1329 г.), у которого было двадцать два ребёнка от одной женщины; правда, документы упоминают только о четырёх из них [11:LVI].

Известны люди в возрасте 70–80 и более лет. В нормах льняжного сознания того времени умершие без детей или без брака вызывают у Амрикура некое сострадание и сопровождаются упоминанием о мерах по переходу земельного достояния племянникам или другим близким родственникам при условии адаптации родового имени, гербов, часто даже личного имени последнего прямого наследника [11:XXVIII].

По Амрикуру вся знать Эсбе вышла из единого корня. Амрикур выводит всю знать Эсбе от одной пары и описы-

вает её как потомство некоего французского рыцаря Расса де Даммартэн, вынужденного по политическим мотивам удалиться в Эсбе. Это легендарная история. Идея вывести всё рыцарство региона из потомства одной пары – достаточно странная в голове молодого человека 20 лет, каким тогда был Амрикур. Но с точки зрения Священной истории ничего удивительного, образец был всегда перед глазами и на слуху [11:XXX-XXXI]. Такова генеалогическая фабула «Зерцала». Внимание к генеалогиям имело целью напомнить современникам о высоких деяниях их предков и родственных связях, которые существовали между ними. Это вполне соответствовало духу общества, где родовые связи были важнее политических.

Я сознательно не вхожу в подробности описанной Амрикуром междоусобной войны д'Аванов и де Вару, хотя она – своего рода продолжение «Зерцала». Эта была долгая война двух родовых объединений – обе воевавшие линии произошли от Расса де Доммартэн и Аликс де Варфюзе (начало XII в.) и их сына Бретона Старшего – она началась в 1298 г. и завершилась лишь в 1335 г. Возможно, что к написанию «Зерцала» его подвигло угасание знати в связи с возрастанием силы городов, как свидетельствует он сам (*la force des villes franches s'est accrue de leurs debris*).

Всё началось с того, что Умбер Корбо из рода д'Аван хотел выдать замуж за своего кузена молодую служанку. Однако её возлюбленный, молодой оруженосец, который зависел от соседнего сеньора де Вару, похитил девицу (с её вероятного согласия). Линьяж Умбера д'Аван заявил о готовности отомстить полученное оскорбление. Начались боевые действия с переменным успехом. В решительной битве на равнине Доммартэн 25 августа 1325 г. победа досталась сторонникам д'Аванов. По предложению князя-епископа был составлен мирный договор, «Мир XII», и подписан 15 мая 1335 г. в аббатстве Сен-Лоран в Льеже. Договор предусматривал постройку церкви в память о прекращении усобиц; оба рода должны были внести деньги на её строительство и заключить брак между детьми.

Следствием длившейся 38 лет войны стало то, что рыцарство Эсбе было ею почти уничтожено. Князь-епископ потерял знать как союзника, а горожане Льежа вырвали у него множество свобод; так что война способствовала усилению городского патрициата.

«Зерцало» – замечательный целостный источник для целого ряда тем. Но меня в первую очередь, естественно, интересует геральдика. О геральдике у Амрикура писал ещё Л. Були де Ледэн в начале XX в. в связи с новым критическим изданием «Зерцала» и критиковал все три предшествующих издания. Само сочинение с точки зрения генеалогической истории региона он оценивал как источник первого порядка, и отмечал, что оно не менее интересно и с точки зрения геральдики [2].

Обращаясь к геральдике в трактате Амрикура, я испытываю двойственные чувства. С одной стороны, имеет смысл говорить о вещах, касающихся общей геральдической эрудиции – и материал для которых в источнике в изобилии, а с другой стороны, хочется говорить об особенных, специальных вещах, которые дискуссионны и в среде гербоведов. Я попытаюсь найти баланс между теми и другими.

Наследуемые гербы этого региона датируются второй половиной XII в. У графов Фландрии и Эно гербовые печати известны с 1160 г., у герцогов Брабантских – после 1185 г. У их крупных вассалов гербы появляются после 1170 г. Устойчивые гербы прослеживаются с 1200 г. [11:CCLVII], когда, как считается, установились правила геральдики, когда гербы стали наследуемыми. Часто войны усваивали гербом то, что они рисовали на доспехах и в догеральдические времена: карбункул, крест, льва, орла, леопарда [11:CCLVII].

Часть гербов складывалась как гласные. Один из примеров – гербы рода Кандавен графов де Сен-Поль (Candavène, comtes de Saint-Pol). С первой половины XII в. члены этого дома изображали на своих печатях один или несколько снопов, намекающих на их родовое имя – поле

овса, овсяное поле (*camp d'avène, champ d'avoine*). По мере утверждения геральдических правил эти снопы стали изображаться в щите и превратились в наследственный герб рода Кандавен [11:CCLVIII].

Дважды Амрикур пытается объяснить прозвища: Antoine de Hognoiul по прозвищу Mailhet, получил его потому, что добавил в свои гербы бризуру в виде внутренней каймы из кольчужных колец (*maillets*) [8:Т. I. P. 445, § 932]; Брюсы на р. Жер (*Brus sur Geer*) звались линьяжем Булавы (*Massiers*) по причине того, что их гербами были три золотых булавы (*masses*) [8: Т. I. P. 233, § 412; 11:CCXXX]. Примечательно, что оба объяснения прозвищ даны в связи с гербами. Или гербы стали отражением прозвищ?

Отдельно надо упомянуть легенду о гербе Расса де Даммартэн. Жак де Амрикур в «Зерцале» рассказывает, что рыцарские роды Эсбе произошли от Расса де Даммартэн и Аликс де Варфюзе (*Rasse de Dammartin, Alice de Warfusée*). Этот Расс, младший брат графа де Даммартэн, якобы прибыл из Франции и, женившись на Аликс, велел возвести близ Варфюзе башню, которую в память о своём происхождении назвал *Donmartin* [11:LXXVII]. Эта легенда восходит к категории фактов до 1250 г., степень доверия к которым невелика. «И был также в то время один благородный рыцарь по имени Расс Бородатый, брат графа де Даммартэн в Галлии, который носил в своём щите или на знамени с тремя косицами три кольца» (*A cely tems estoit un noble chevalier, nommei Rasse alle barbe, frère al comte de Domartin en Goyelle, quy portoit en son escu ou gonfanon à trois pendans, et al desoir trois aneles*). Этот вымышленный эпизод, сопровождаемый анахроничными геральдическими деталями, был предметом скептического внимания историографии с XVII в. Даммартэны утвердились в Эсбе с X в., их генеалогия этого времени известна, и в ней нет Расса Бородатого, он неизвестен вовсе. В Эсбе жил Расс де Донмартэн сир де Варфюзе, но он был чистокровным местным уроженцем и жил в начале XIII в. [11:LXXVIII].

Амрикур полагал, что герб французских родичей Даммартэнов, известный по печати, представлял собой гонфанон, то есть хоругвь. Однако старинный герб графского дома Даммартэн во Франции был чередованием шести серебряных и синих поясов с красной каймой, который якобы был заменён гербом пожалования – пресловутым гонфаноном – за защиту Римской церкви. Одна легенда накладывалась на другую.

Рассказывая о Даммартэнах, Амрикур писал, что «они носили герб их отца, а именно гонфанон, цветов которого я не знаю (!), но полагаю, что он золотой с тремя красными косицами, такой же, как графы Булонские носят и ныне, и потому вполне возможно, что граф Булонский и графы Дамартэн – братья или [происходят] из одного близкого рода» [8:Т. I. Р. 4-5]. Речь идёт о роде, к которому у Амрикура особое, можно сказать почти родственное внимание. Прежде чем ругать Амрикура, надо обратить внимание на его допущение – «вполне возможно».

Увы, французские Даммартэны в гербе не имели знамени. Ошибка Амрикура происходит оттого, что он, возможно зная вислую печать Робера Оверньского с гонфаноном на хартии 1282 г., полагал, что граф Булонский, как его предшественники, был в то же время графом де Даммартэн. А в действительности графство Булонь отделилось от графства Даммартэн ещё в 1259 г. [11:LXXXVI].

Но легенда развивается далее: Амрикур уверяет, что Даммартэн-Варфюзе поменяли герб с гонфаноном на геральдические лилии. Так ли это?

Есть хартия 1248 г. льежских Даммартэнов с вислой печатью и изображением церковного знамени в поле печати без щита. Существование герба без щита – вполне нормальная вещь, но был ли гонфанон гербом? В 1212 г. гонфанон – знамя епископальной сеньории – был предоставлен исключительно Рассу де Варфюзе, главе дома Донмартэнов. Убедительных доказательств, что знамя было первоначальным гербом старинного линияжа Донмартэнов, заменённым потом на лилии, не существует [11:LXXXIX]. Возможно,

что Варфюзе и изначально пользовались геральдическими лилиями – весьма распространённой геральдической фигурой – и потомки сохранили этот герб. Смену герба Амрикур объясняет их протестом против родственников во Франции, но в то время, о котором идёт речь, увы, не было гербов. И даже когда гербы появились, Даммартэны во Франции носили гербом не гонфанон [11:XC].

Но насколько важен этот вопрос? Перемены такого характера были вполне возможными, и в отношении любого другого рода это бы не удивило. Вся проблема в том, что у этого разветвлённого рода Даммартэнов, ставшего в хрониках обозначением всего рыцарства Эсбе, перемен гербов не было [11:LXXXVII].

В данном случае родство между двумя домами со схожими родовыми именами требует многих допущений. История французского происхождения Даммартэнов из Эсбе полностью вымышлена [11:XC–XCI]. И вся легенда, о том, как Расс сир де Варфюзе оставил знамя, то есть первоначальные гербы рода, чтобы взять в красном поле серебряные геральдические лилии, которые носил его дед, первый Отт де Варфюзе, присутствующая уже на первых страницах «Зерцала», появляется только для объяснения геральдических лилий [11:CCLIX].

Амрикур рассказывает, что в начале XIII в. Макэр сир де ла Хейд де Флемаль (Macaire, sire de la Heid en Condroz), глава гербов рода де Суне (de Sougné или des Souvegnez) (в чёрном поле три золотых просечных ромба), отважный рыцарь, был товарищем по оружию графа де Лос (de Looz), которого он сопровождал во время его путешествий за море. Онный граф, «дабы его почтить» дал ему свои гербы, которые сир де ла Хейд поместил в свой герб, рассечённым с гербами де Лос и де Суне» [8:Т. I. P. 258. N 476; 11:LVI–LVII]. Можно было бы удивиться тому, что сеньор, имея свою землю в герцогстве Лимбург, пошёл на службу к графу де Лос, а потом и вовсе обосновался в льежских землях, но ничего невероятного в этом нет. Я думаю, что гербами были просто продемонстрированы тесные личные

связи. Ситуация относится к середине XII в., и даже если история об этом персонаже в геральдическом отношении небезупречна (слишком уж рано), то сам по себе рассказ характерен, правда, уже скорее для XIV в.

Некоторые предоставления гербов были просто почётными, предоставленными по просьбе бенефициария. Амрикур рассказывает как Жан де Ландри (Jean de Langdris) своей военной службой заслужил милость сеньора де Шатовилэн (de Châteauvilain) из Шампани и тот около 1275 г. в числе прочих благодеяний дал ему свои гербы [8:Т. I. Р. 41. N 38. Note 5; Т. III. Р. CCLX]. Гийом Мальклерк (Guillaume Malclerc) около 1280 г. ввязался в междоусобную линьяжную войну при условии, что один из участников договора, Жерар де Блехем (Gérard de Blehen), возьмёт гербы Амрикуров [8:Т. I. Р. 175; 11: CCLX].

Любопытен случай сиров де Шёно (de Schönau): они оставили отцовские гербы по причине недоверия, которое пало на их дом после неудачной битвы. Тьерри Мажи сир де Лье и де Рокур (Thierry Magis, sire de Liers et de Rocourt) носил гербы де Вилье (de Viliers): «в золотом поле красная перевязь с каймой того же цвета». Он нечаянно убил своего племянника, отчего возникла распря между членами рода. После ряда столкновений, в которых лишились жизни многие рыцари и эжюйе, убийца отправился в Святую Землю и передал свои гербы своему брату, а сам взял «в серебряном поле синий крест» (d'argent à une crois d'azure) (№ 327) [2].

Вероятно, и другие случаи нежелания сохранения плохой памяти о себе влекли смену герба. Но вообще у нас очень мало компактных источников для того чтобы спрашивать их о подобных вещах – перемены герба, оставления его и тому подобных.

В тексте «Зерцала» присутствуют свидетельства странных с нашей точки зрения обычаев, а именно оставления отцовского герба ради материнского, а также приятия герба лица, с которым не было никаких кровных связей [11:CCLVIII].

Перемена герба могла иметь целью визуально отделить себя от проигравшего рода, как поступил Гийом Проест де Миллен (Guillaume Proest de Millen) после битвы при Туринне (Tourinne – деревня в Эсбе) [8:Т. I. P. 450, § 947; 11:CCLX] в 1347 г.

Получается, что в XIV в. было принято обыкновение, по которому каждый мог взять, согласно выражению того же д'Амрикура, «герб своего лучшего родства» (*le blason de sa melheur coustie*), то есть гербы, которые нравились более всего и лучше всего служили интересам [11:CCLX]. Но нам эта вольность кажется странной.

В большинстве перемен герба участвовали преимущественно материнские гербы или гербы предков с материнской стороны. Тому много примеров в «Зерцале»: одна ветвь рода Флемаль (*de Flémalle*) взяла гербы рода *de Namal* с их материнской стороны [8:Т. I. P. 469, § 996; 11:CCLX]. Дети Экс де Шонворст (*Aix de Schoonvorst*) после битвы при Ворингене оставили гербы Лимбургов и усвоили три серебряных круга из герба де Эсдель (*Haesdael*), которые по отношению к их старому гербу были бризурой с материнской стороны [8:Т. I. P. 61]. Оставление наследственных отцовских гербов ради того, чтобы взять «гербы с самой близкой стороны», но «гербы более малой ценности», вызывает удивление и недоумение [11:CCLIX].

Годфруа лё Корню (*Godefroid le Cornu*) (бургомистр Льежа в 1350–1357 гг.), чтобы удовлетворить старого сеньора де Серэн (*de Seraing*), которому он приходился дальним родственником, оставил старинный герб Оземоннов, который он, его братья и предки постоянно носили с тех пор как стали носить гербы, и взял со стороны своей матери геральдические лилии Нёфшато (*de Neufchâteau*). Он произвёл эту перемену в момент, когда отказался от военной карьеры [8:Т. I. P. 285, § 553; 11:CCLXI].

Арнуль де Амаль сеньор д'Одёр (*Arnoul de Namal seigneur d'Odeur*) в 1416 г. женился на наследнице Тразени (*Trazegnies*); их второй сын Ансо де Амаль (*Anseau de Namal*), которому отошли материнские домены, взял родо-

вое имя и гербы своей матери, и его потомки продолжили род Тразени [11:CCLXIII].

В XVI в. известен случай с Жаном де Линь бароном де Барбенсон (Jean de Ligne, baron de Barbençon), который 18 октября 1547 г. женился на Маргарите де ла Марк, графине наследнице Аренберг (Marguerite de la Marck, comtesse d'Arenberg); в брачном договоре предусматривалось, что их потомки возьмут родовое имя и гербы Аренбергов, то есть супруги [Ibid].

Гийом Коссен (Guillaume Cossen) под влиянием «слёз и просьб» со стороны девицы де Прейт (demoiselle de Preit), решив отомстить за смерть её мужа – своего дяди Анри лё Дамуазо де Флемаль (Henry le Damoiseau de Flémalle), убитого при Лонцене (Loncin), чтобы показать свои намерения, оставил гербы отца и взял гербы своей матери Элид де Флемаль (Aillid de Flémalle) [11:CCLXI–CCLXI]. А сама ветвь Флемалей взяла гербы Амалей (Hamal) – с материнской стороны. Ренье де Визе (Renier de Visé) оставил гербы своего рода в пользу гербов своей матери из рода де Вару (Waroux), добавив к ним усеянное серебряными гонтами [11:CCLX].

Гербы матери и бабушки брали неоднократно. В истории Оземонов присутствуют четыре примера, когда горожане усваивали гербы своей благородной матери или бабушки. Так поступали и горожане, и знатные [2:332-333]. Предпочтение материнских гербов или гербов предков со стороны матери – основа, на которой проходила смена большинства гербов. Мне казалось, что феномен такого геральдического «гендерного равенства» характерен иберийской уникальности, но текст Амрикура не позволяет настаивать на этом – он напрямую говорит об обычае усвоения гербов с материнской стороны во Фландрии в XIV в.

Юристы (в частности, Д. Соз) и в конце XVIII в. не забывали этот обычай – делать наследником чужого человека со стороны – как право завещателя при условии усвоения им имени и гербов завещателя [13:19].

Перемены герба, невзирая на наши ложные представления о его неизменности, присутствовали в средневековой действительности [1]. Страницы «Зерцала» изобилуют подобными примерами [11:CCLVIII].

Гербы семейства Амрикур – одного из известнейших в Эсбе, по его мнению восходят ко временам появления гербов. Автор «Зерцала» не сомневается, что этот линьяж всегда носил герб с правой перевязью. По данным сигиллографии это не так; на самом деле перевязь они усвоили только с середины XIII в. На печати Гийома де Амрикур в 1239 г. был крест, а у его сына и его потомков – в красном поле серебряная перевязь [11:CCLVIII]. Амрикур, упоминающая многие случаи перемены гербов, тем не менее, не знает о существовании подобного в роде Амрикуров [Ibid].

Варнье сир де Дав (Warnier sire de Dave), чтобы оказать честь своему дяде Гийому сеньору де Амрикур, умершему без наследников мужского пола, оставил гербы д'Эльзе (d'Elzée) и взял гербы Амрикуров [8:Т. I. Р. 17. 178; 11:CCLIX].

Примеры отказа от гербов предков [8:Т. I. Р. 449, § 946; 11:CCLIX] и смены гербов и боевых кличей, как по собственной инициативе, так и по дарованию, многочисленны. Примеры антипатии к своему линьяжу или, напротив, симпатии к другому, имели место в Льежском епископстве, «классической стране частных войн», как его называет Э. Понселе [11:CCLIX].

Виноторговец Тома де Амрикур решил вступить в войну Аванов и Вару и поменял гербы Амрикуров – в красном поле серебряную правую перевязь с бризурой – серебряным щитом с красным косым крестом, чтобы взять полные гербы рода Оземон (de Hozémont) [8:Т. III. Р. 16; 11:CCLXI].

Известен случай мессира Гийома д'Алле́ра (Guillaume d'Alleur), который после «Мира Двенадцати» в 1335 г., будучи на турнире в Льеже, взял четверчастный герб с гербами родов д'Аван и де Вару, как бы в знак мира, заключённого между двумя враждебными родами. Однако его

дети носили герб только де Вару, как и их предки [8:Т. I. P. 407; 11:CCLXI].

Типичным примером перемены геральдических эмблем в Льежских землях как условия, был случай с Вери де Рошфором (Wérig de Rochefort), которому его дядя с материнской стороны Готье де Анеф (Gautier de Haneffe), умерший в Гранаде в 1344 г., оставил свои земли Haneff и Ochain, при условии, что при новом крещении он возьмёт личное имя Готье и, чтобы сохранить память о своём дяде, он будет носить гербы рода де Анеф. Вери-Готье де Рошфор честно последовал распоряжениям своего благодетеля: он не только усвоил имя и гербы своего дяди, но и отказался от своего собственного патронима, пользовался печатью с гербами де Анеф, с легендой «S. Dni Walteri de Haneff militis». Возможно, правда, что сначала он использовал матрицу печати своего дяди, и в этом случае факт оставления родового имени не доказан. Как бы то ни было, в 1357 г., продолжая пользоваться той же печатью, он в актах пользовался своим родовым именем – Wautier de Rochefort, seigneur de Haneff et d'Ochain. В 1374 г. он снова взял в качестве герба орла де Рошфоров, которого поместил четверочастно с геральдическими лилиями де Анеф; в итоге он поменял только личное имя [11:CCLXII].

Иногда смены гербов происходили по завещательным распоряжениям и семейным договорам. Чтобы выполнить в полной мере взятые обязательства, в 1337 г. Гийом де Орион (Guillaume de Horion) [11:CCLXI] дабы унаследовать домен дяди Гийома де Кренвик (Guillaume de Crenwick), взял имя де Орион. Поскольку это семейство, как и семейство Кренвик, имело гербом щит с перевязью, разница была только в цветах [11:CCLXII].

Госсуэн де Госсонкур (Gossuin de Gossoncourt), умерший без потомства в 1346 г., сделал наследником своего кузена Вальтера де Голар (Walter de Golart), и завещал ему сеньорию Госсонкур. Тот стал сеньором де Госсонкур при условии усвоения им гербов и боевого клича завещателя [11:CCLXIII]. Аналогичные распоряжения сделал Жан лё

Полэн (Jean le Polain), эшевен Льежа с 1422 по 1436 гг. – он не желал оставлять землю де Вару своим сыновьям и передал её своему кузену Жану Гюлардэну (Jean Gulardin), а также свои гербы – «мои прямые гербы де Вару, таковые, как я их ношу» [Ibid].

Наследование гербов укоренялось медленно, однако, в конце концов стало правилом. В семействах, где не было особого повода их менять, гербы оставались неизменными с момента возникновения вплоть до наших дней или до угасания семейства, которое их носило. Род де Линь (de Ligne) и в первой трети XX в. носил те же гербы, которые они усвоили в XII в. [11:CCLXV].

Гербом выражалась принадлежность к линьяжу; на торжественных церемониях ещё и однородным одеянием, когда это было возможно [11:LXIX]. Общность гербов обозначала общность социальных интересов и общие обязательства взаимопомощи. Если меняли герб, не обязательно было продолжать сражаться за свой старый линьяж, или же, точнее сказать, если меняли партию, полагалось поменять также и герб [11: CCLXIX]. Таким образом некоторые люди в течение жизни пользовались разными гербами.

Смена герба часто была связана с новым доменом. Надо ли, исходя из этого, заключать, что гербы связаны с землёй – вопрос непростой [1; 3]. Э. Понселе, настаивая на персональном характере гербов, отрицает то, что они были привязаны к земле. Новый обладатель усваивал личные гербы своего предшественника, который часто был дядей по матери или двоюродным братом, а не сеньории, которую он получал. «Сеньории не имели гербов», утверждает он [11:CCLXIII-CCLXIV].

Но может быть всё не так однозначно. Сеньоры как в XIII, так и в XIV в. часто носили родовым именем название своей земли. Поэтому ранние эрудиты рассматривали гербы земли как гербы сеньориальной семьи этого имени [11:CCLXIV]. Были гербы личные, были родовые, но были и территориальные. И иногда они совпадали. Какая-то корреляция между землёй, именем и гербами сеньора всё же

была [11:CCXXVII]. Например, отличительным признаком баннерета было квадратное знамя. Качество баннерета первоначально было только личным, возможно наследственно связанным с землёй-сеньорией [11:CXCIII]. Предполагали сеньориальный образ мышления, чтобы владение землёй соотносилось с ношением гербов рода? В этом смысле корреляцию между гербами и землёй можно предполагать, но обязательным требованием это, скорее всего, не было, если, допустим, не было пожелания, выраженного сеньором своему наследнику. Перемены герба при вхождении во владение землёй были скорее исключением, и в Льежском епископстве, если речь шла об обретении этой земли за деньги кем-либо чужим, их и вовсе не было [11:CCLXIV].

Понятно, когда семейство усваивало гербы земли долгого сеньориального держания. Но ведь бывало, что провинция, город или эшевенство усваивали гербы своего сеньориального рода. Так сложились гербы суверенных доменов – Брабанта, Фландрии, Эно, Гельдерна, Юлиха и других, происходящие от родовых гербов [Ibid]. В Льежском епископстве известен пример города Визе (Visé), который, по меньшей мере, с XVI в. имел гербами те же самые, что рыцари рода де Визе носили с XIII в. [11:CCLXV].

Проблема отношений «герб – сеньориальная земля» пока далека от решения, хотя уже имеет в историографии полемику с радикальной конфронтацией: это, в частности, книга Р. Шабана [4], вызвавшая критику П. Адан-Эвена в 1957 и 1964 гг. и недоумённые высказывания М. Попофф [12:5]. Для выводов данные должны быть не фрагментарными, а массовыми.

Герб – важная характеристика рода. Когда Амрикур упоминает об одном из первых браков в роде Варфюзе, он характеризует супругу следующим образом – «из линияжа Лембург и Аздаль по имени монсеньоров Хейнеман де Шонехове или д'Айс, которые носили гербы Лембург, а именно в серебряном поле красного льва, и на груди льва три серебряных кружка» (*lynage de Lemborg et de Hazedale nommeit monssaingnor Heyneman de Schonehov, atrement*

d'Ays, qui portoit les armes de Lemborg, assavoir d'argent à on lyon de gueles, et en la poytrine do lyon trois tortelés d'argent...) [8:Т. I. P. 5. § 12]. Этим мессирам Расс сирам де Варфюзе (Rasses, sires de Warfezéez) было дозволено носить гербом в красном поле серебряные геральдические лилии, как носили их деды, потомки Отт де Варфюзе (Ottes de Warfezéez) [8:Т. I. P. 5. § 13].

Возможна ситуация, когда человек с другим именем носил те же гербы. Например, «Сир де Давелес носит гербы и боевой клич Амрикуров в честь упомянутого сеньора де Амрикура, *его дяди*... а именно красный с серебряной перевязью...» (Chis sires de Daveles enkargat les armes et le cry de Hemicourt, pour l'oneur do dit saingnor de Hemicourt, son oncle, qui morit sains hoir marle, assavoir de gueles à une bende d'argent...) [8:Т. I. P. 6. § 16].

Описывая давние браки известных родов, он часто не упоминает никаких гербов – надо полагать, они ему неизвестны [8:Т. I. P. 7. § 17-18]. При случае он, конечно и в ранней генеалогии старается гербы упомянуть: «...и второй сын славного сеньора де Варфюзе, который имел двадцать детей, и носил [гербом] в красном поле серебряные геральдические лилии с синим титлом с пятью зубцами...» (...portoit de gueles à flours de lis d'argent, à on labeal à V pendans d'azure...) [8:Т. I. P. 9. § 25]. Он пишет, что происходившие по прямой линии от Варфюзе, носили их полные гербы, а потом с утратой ими сеньории и гербы были утрачены (les armes sont perdues) [8:Т. I. P. 8. § 24].

Характерен такой текст: «Эти мессеры Эрну де Корварен носили гербы Биерлу: в поле горностая два красных пояса» (Chis messires Ernus de Corwaremme portoit les armes de Bierlouz: d'yermines à dois faxhes de gueles) [8:Т. I. P. 9. § 25].

«Зерцало» даёт и многочисленные примеры бризур: рыцарь Вальтер де Па де Вонк (Walter de Pas de Wonck) носил, как его отец, в серебряном поле красную главу, а его младший брат Жан – поле горностая с красной главой [8:Т. I. P. 440. § 919; 11:CCLXVI]. Бризуры, собственно го-

воря, не представляли собой перемену герба: добавлениями или модификациями они отличали гербы младших и незаконнорождённых от полных гербов главы линияжа. Бризурой родительских гербов могла быть инверсия цветов. В XIII в., по словам Амрикура, братья меняли цвета своих гербов и, поскольку каждый хотел носить полный герб, разница в цветах не считалась изъяном [8:Т. I. P. 94. § 112; 11:CCLXVI]. А наследственными в XIII и XIV вв. бризуры ещё не были. Расс де Варфюзе (1332–1374 гг.), старший сын от второго брака Расса III сеньора де Варфюзе, носил отцовские грабы с бризурой со стороны его матери – четвертью де Вару, а именно в красном поле золотым львом [8:Т. I. P. 49. § 52; 11:CCLXVI]. У Амрикуров каждая ветвь усваивала свою отличающуюся бризуру [11:CCLXVI; 8:Т. I. § 52].

Надо заметить, что текст «Зеркала» – самое старое известное упоминание многих из гербов, во всяком случае, в отношении цветов. Геральдическая терминология Амрикура имеет некоторые особенности XIV в.: *sinople* обозначен как *vert*, но при этом дважды как *sinople*; *sable* всегда под своим именем; покрытие *vaîr* блазонируется с указанием цветов; автор употребляет *campagne* вместо *champ*, *ourle* вместо *bordure*. Он всегда указывает число зубцов у титла. Когда герб с чередованием поясов, он указывает число фигур, не упоминая при этом, что это чередование именно поясов, как в гербе Риго де Борьё (Rigaut de Beaurieux) (†1328) – «de VIII pieches d'argent et d'azure, à on lion de geules» [2:325-326].

Последовательные генеалогии тщетно искать в «Зерцале», но это отражение рыцарских нравов, привычек быденной частной жизни сеньора замка в мирное и военное время, любопытных деталей. Фактической стороне приводимых в «Зерцале» историй отдельных линияжей не стоит верить безоговорочно, но как отражению нравов и представлений времени Амрикура – вполне. Например, если уважение к пленнику становится предметом повествования, то, скорее всего, это уважение – далеко не норма.

Не о каждом роде сообщение сопровождается гербом. Амрикур приводит блазоны родовых гербов потому, что для него сходство гербов было свидетельством генеалогической близости. «Не [прошло] и 200 или 240 лет – говорит он, – как большинство знатных этой страны взяли некие гербы или определённые блазоны, которые они передавали своим потомкам. В древности они имели гербы, сделанные по собственной прихоти, нарисованные разными цветами, и меняли их каждый раз таким образом, что на войне или на турнире они появлялись то с одним гербом, то с другим (!): они переставали знать между собой, забывали своё родство и утрачивали помощь, которую имели право получить от своих близких» [9:4]. Однако, чтобы ни казалось Амрикуру, идентичность или различия гербов не могут априори служить уверенными линьяжными идентификаторами.

Амрикур хорошо различал воображаемые эмблемы и наследственные гербы и полагал, что благодаря гербам рыцари имели хорошее распознавание (*cognissance*) служб и линьяжей. Самые богатые и могущественные из них взяли гербы (*ensengnes et blasons*), которые постоянно передавали своим потомкам, и усвоили определённый боевой клич к тому знамени (*ensengne*), которое они носили [2:325].

Э. Понселе, достаточно искушённый в геральдике исследователь, считает, что представления о ношении гербов в Средние века были диаметрально противоположны тем, что существуют в XX в. Адаптация, далёкая от того, чтобы рассматриваться как узурпация, составляла одно из свидетельств наиболее явных дружественных отношений; могущество сеньора могло измеряться числом лиц, родственных или вне родства, которые носили его гербы [11:CCLXV]. В то же время нам несколько непривычно то, что бытование гербов не было предметом законодательного регулирования и каждый мог их носить; в том числе горожане и крестьяне [11:CCLXV-CCLXVI].

Кстати, заметим, что разницы между щитовой и знамённой формами Амрикур не делает. Дополнительные

элементы герба, в частности, шлемовые эмблемы и щито-держатели восходят ко временам достаточно отдалённым, обнаруживаются примеры с XIII в. Первые стали устойчивыми с 1350, вторые к 1400 г.

Амрикур приводит блazoны гербов основных семейств, упоминаемых в его «Зерцале». С этой точки зрения он допускает очень мало ошибок. Автор не снабдил свой текст рисунками, все гербы были добавлены позднейшими копиями, не располагавшими ни документами, ни соответствующими для этой работы геральдическими знаниями [11:CCLXVIII]. И здесь ошибки возможны. В издании де Сальбрэ некоторые щиты остались пустыми, некоторые имеют искажения, некоторым семействам приписаны ложные гербы [Ibid]. В XX в. были попытки свести всё воедино, но это уже совсем другое. Да и задача в связи с тем, что гербы подчас отличаются, сложна [11:CCLXIX].

В Средние века в Эсбе вопросы, относящиеся к геральдическим делам, рассматривали не ординарные суды, а геральдические комиссии, состоявшие из сведущих в гербах рыцарей и экюйе. После того как уже упомянутый Жан ле Полэн передал свои гербы своему кузену Жану Гюлардэну, один из близких покойного, Корбо де Фрэпон (Corbeau de Fraipont) в 1436 г. представил завещание, сформулировал протест и объявил, что вопрос гербов не должен рассматриваться судом эшевенон Льежа, а должен быть представлен перед рыцарями и экюйе, которые «таковые вопросы могут судить». А потом и вообще дела такого рода стали рассматриваться на семейных советах [11:CCLXXI].

Под конец два слова о боевых кличах, которые упоминает Амрикур [7:46-56]. Я уже говорил о том, что они входили в наследуемое достояние линьяжа. Боевой клич объединял воинов в бою и воодушевлял на турнире. Кличем чаще всего было имя их происхождения, их сеньории. Многие льежские семейства, более дюжины, имели общим боевым кличем *Donmartin* – это были Bernalmont, Chantemerle, Duras, Fooz, Haneff, Harduemont, Hermalle, Kemexhe, Many, Marteau, Momalle, Othée, Schönau, Sechfawe,

Warfusée. Другие «кричали» их собственное родовое имя: Beaufort, Berlo, Dave, Hemricourt, Hozémont, Jeneffe, Julémont, Langdris, Velroux, Waroux. Корреляция между боевым кличем и линьяжем была даже больше, чем между линьяжем и гербами [11:CCLXIX]. Боевой клич учитывался в рыцарской характеристике – в одном гербовнике 1363 г. в списке 105 рыцарей приводятся их гербы и боевые кличи [11:CLXXXIII].

Младшая ветвь де Вельру (de Velroux) после того, как рассорилась с главой линьяжа, оставила гербы этого семейства и взяла гербы де Фолонь (de Fologne), но сохранила боевой клич «Velroux», поскольку сеньория Вельру у них осталась [11:CCLXIX]. Амрикур ничуть не сомневается в том, что боевой клич – это прежде всего родовое имя, а не отвлечённая фраза. Разумеется, боевой клич мог и отличаться от родового имени и представлять собой короткое изречение (инвокацию, взывание к доблести, презрение к опасности), но чаще всего это было имя происхождения. Иногда смешивают боевой клич и девиз [11:CCLXX], но это разные вещи.

«Зерцало» Амрикура – огромный по объёму и по исследовательскому потенциалу источник. Я позволил себе говорить только о некоторых геральдических проблемах, достойных внимания в не меньшей степени, чем всё остальное.

Различные причины заставляли жителей Эсбе оставлять отцовские гербы – иногда из-за усвоения герба материнского линьяжа, иногда для того, чтобы по политическим или иным соображениям взять гербы особы, с которой не было кровнородственных связей [11:CCLVIII]. Смена герба иногда имела целью дистанцироваться от приходящего в упадок рода, когда связанные с ним гербы оставались в пользу гербов победителей. В XIV в. было принято, согласно Амрикуру, носить герб «какой больше нравится», то есть герб, который льстил самолюбию или лучше служил интересам линьяжа. В целом работало и первое, и второе [11:CCLX].

Общность герба можно рассматривать как выражение общности интересов и обязательство взаимопомощи, прежде всего, в случае войны. Не смена герба диктовала социальное поведение, а изменённая позиция подразумевала, что подходящим было бы сменить и герб. Пользование гербом не было предметом никакого законодательного регулирования, социальные ограничения неизвестны [11:CCLXV]. Но в Средние века адаптация герба не должна рассматриваться как узурпация, а скорее как свидетельство дружественных связей. Могущество сеньора измерялось числом особ, родственников или чужих, которые носили его гербы.

«Зерцало» Амрикура – уникальная вещь. Возможно, что это генеалогическое «обобщение знати» – не случайно, а попытка упорядочить новый после «Чёрной смерти» мир. Но так или иначе – это зеркало знати маленькой Эсбе, возможно, отражает то, как обстояли дела с гербами во всей Европе XIV в.

Литература

1. *Barthélemy de*. Essai sur l'origine des armoiries féodales. Poitiers, 1872.
2. *Bouly de Lesdain L.* L'héraldique dans Hemricourt, à propos d'une édition récente de ses oeuvres // *Revue du Nord*. T. 4, n°16, novembre 1913. P. 324–339.
3. *Bouly de Lesdain L.* Notes sur quelques changements d'armoiries au XIIe et XIIIe siècles // *Archives héraldiques suisses*. 14 (1900). P. 44–62.
4. *Chabanne R.* Le régime juridique des armoiries. Lyon, 1955.
5. *Cuvelier J.* Notes pour servir à la biographie et à l'étude critique de l'oeuvre de Jacques de Hemricourt (1333–1403) // *Compte-rendu des séances de la commission royale d'histoire*. Deuxième Série. T. 71. 1902.
6. *De Theux J.* La chevalerie hesbignonne au XIVe siècle // *Bulletin de l'Institut archéologique liégeois*. T. V, 1862. P. 245–257.
7. *Du Cange*. Glossarium mediae et infimae latinitatis. T. VII. P. 46–56.
8. *Hemricourt J. de*. Œuvres de Jacques de Hemricourt. Le Miroir des nobles de Hesbaye / C. de Borman, A. Bayot, Ed. Poncelet.

- T. I.-III. Bruxelles, 1910–1931. T. I. Le Miroir des nobles de Hesbaye. Bruxelles, 1910. 491 p.; T. II. Le Miroir des nobles de Hesbaye (Codex diplomaticus – Tableaux généalogiques). Bruxelles, 1925; 496 p.; T. III. Le Traité des Guerres d’Awans et de Waroux. Le Patron de la Temporalité. Bruxelles, 1931; 944 p. (463 p.).
9. Miroir des nobles de Hasbaye, composé en forme de chronique, par Jacques de Hemricourt, chevalier de S. Jean de Jerusalem, L’an M.CCC.LIII. Où il traite des Genealogies de l’Ancienne Noblesse de Liege et des environs, depuis l’an 1102. jusques en l’an 1398. Avec l’Histoire des Guerres Civiles dudit Pays, qui ont duré l’espace de quarante cinq ans, et le Traitté de Paix, qui fut conclude ensuite desdites guerres. Mis du vieux, en nouveau Langage, Enrichy d’un grand nombre des Figures en Taille-douce, et dedié à Monseigneur le Comte de Marchin, par le Sr. de Salbray. A Bruxelles, Chez E. Henry Fricx. M.DC.LXXIII. 375 [13] p.
  10. Miroir des nobles de Hasbaye, par Jacques de Hemricourt, Nouvelle edition augmentée; Dédiée à Monseigneurs de l’Etat-Noble du Pays de Liege et Comté de Looz, etc. etc. Où en conservant le texte de l’Auteur, l’Editeur a dissipé l’obscurité qui regnoit dans la généalogie de l’Illustre Famille de Dammartin, et où il a classé par ordre alphabétique celles des autres Familles, dont Hemricourt fait mention dans son Livre; il y a joint l’Abrégé des Guerres d’Awans et de Waroux du meme Auteur; la Commission donnée par les deux partis des Familles, les Paix et Statuts, etc. etc. etc. par Mr. Charles-François Jalheau, prothonotaire Apostolique et Chanoine de l’Eglise Collégiale de Sainte-Croix, en Liege. A Liège, de l’Imprimerie J.F. Bassompierre. M.DCC.XCI. 344 p. 16 ff. d’armoiries à la fin.
  11. *Poncelet E.* Introduction historique // *Hemricourt J. de.* Œuvres de Jacques de Hemricourt. T. I–III. Bruxelles, 1910–1931. T. III. Bruxelles, 1931.
  12. *Popoff M.* Bibliographie héraldique internationale (et de quelques disciplines connexes). Paris: Le Léopard d’Or, 2003.
  13. *Sohet D.Fr.* Instituts de droit ou sommaire de jurisprudence canonique, civile, feodale et criminelle, pour les pays de Liege, de Luxembourg, Namur et autres. Bouillon: Chez A. Foissy, 1772.

Приложение 1.

Бартоло де Сассоферрато ТРАКТАТ О ЗНАКАХ И ГЕРБАХ

(статья, перевод, комментарии А.П. Черных. Фрагмент печатается по изданию: Бартоло де Сассоферрато. Трактат о знаках и гербах (Перевод, вступ. статья А.П. Черных) // Средние века, вып. 52. М., 1989. С. 307-322)

В интеллектуальной истории европейского Средневековья имя Бартоло стоит в ряду известнейших имён, неотделимое от процессов рецепции римского права и становления европейской правовой культуры. Творчество крупнейшего средневекового юриста давно стало предметом пристального изучения¹.

Бартоло родился в 1313 или 1314 г. в местечке Венатура, неподалеку от Сассоферрато (район Анконы) в зажиточной крестьянской семье; с 14 лет начал изучать право в университете в Перудже. Он перебрался в Болонью, где в 1333 г. получил степень бакалавра права и в 1334 г. удостоился докторской степени. Вплоть до 1339 г. Бартоло занимался юридической практикой. В 1339 г. он был приглашен в пизанский университет. В 1342–1343 гг. Бартоло перешел в университет в Перудже. К этому времени его возросшая известность привлекла к нему множество слушателей.

С коммуной Перуджи, почётным гражданином которой он был, связана вся его дальнейшая жизнь. Знаток права, Бартоло был направлен к императору Карлу IV ходатайствовать о привилегиях для Перуджи, был привлечён императором к подготовке Золотой буллы 1356 г. Вероятно, именно за участие в подготовке текста буллы Бартоло, судя

---

¹ *Sidney Woolf C.W.* Bartolus of Sassoferrato. His position in the History of medieval political Thought. Cambridge, 1913; *Van De Kamp J.L.J.* Bartolus de Saxoferrato, 1313–1357: Lewen, Werken, Invloed, Beteekenis. Amsterdam, 1936; *Sheedy A.T.* Bartolus on social conditions in the fourteenth century. New York, 1942; Bartolo da Sassoferrato. Studi e documenti per il VI centenario. 2 vol. Milan, 1962 etc.

по грамоте 19 мая 1355 г., был пожалован гербом². Умер он в Перудже 13 июля 1357 г. в возрасте 44 лет.

В истории права Бартоло известен как глава школы постглоссаторов. Постглоссаторы создали не просто синтез римского права договоров, но то, что сегодня может быть названо общей теорией договора³. Тексты Бартоло пользовались в Средние века общеевропейской известностью. В XV в. его сочинения принимались за образец правовой мысли не только на Итальянском полуострове, но и во Франции, в Пиренейских странах. В Португалии они оказали значительное влияние на формирование государственного законодательства. В своих трудах Бартоло затронул многие стороны жизни средневекового общества, подлежащие правовому регулированию. Рукописное Бартоло наследие составило около 4 тысяч страниц.

В эпоху позднего Возрождения имя Бартоло стало олицетворять «готический» миф Средневековья, «средневековое варварство». Первым в 1434 г. поднял против него голос Лоренцо Валла: он резко критиковал трактат *De insigniis et armis* якобы во имя исправления его плохой латыни, но остался одинок в своей критике⁴. Нападки на Бартоло вызвали такой протест, что Валле пришлось оставить университет в Павии и самую Павию.

Имя Бартоло стало подвергаться нападкам за все грехи Средневековья; а бартолизм упоминался как синоним дурного прошлого⁵. Однако, невзирая на всю критику, в 1588–1589 гг. в Базеле вышло полное собрание его сочинений в 10 томах. Бартоло привлекал внимание исследователей и в XIX–XX вв. Особого внимания в наследии этого

---

² *Bascapè G.C., Del Piazzo M.* Insegne e simboli. Araldica pubblica e privata medievale e moderna. Roma, 1983. P. 211.

³ *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 238.

⁴ *Schnerb-Lievre M., Giordanengo G.* Songe du Vergier et traité des dignites de Bartole //Romania. Revue trimestrielle. T. 110. Paris, 1989. P. 189.

⁵ Подробнее см. *Legendre P.* Ecrits juridiques du Moyen Age occidental. London, 1988. P. 134-135.

разностороннего учёного заслуживает его вклад в историю геральдики.

Трактат Бартоло о гербах, написанный им в конце жизни, около 1350 г., был обнародован посмертно. Уже в XIV–XV вв. он пользовался огромной популярностью⁶.

Строго говоря, трактат Бартоло не является геральдическим трактатом в том значении, которое имеет этот термин в европейской традиции, то есть посвящённым преимущественно формальной геральдике. Напротив, это именно юридический трактат, посвящённый геральдическим проблемам. М. Пастуро, отмечая слабую изученность геральдических сочинений в целом, оценивает его как «блестящий юридический трактат о ношении гербов»⁷.

В то же время этот трактат – одно из самых ранних геральдических сочинений. Он уникален, поскольку геральдические проблемы трактует юрист, а не герольд, а современные ему труды герольдов отсутствуют. Подход Бартоло – юридический не только по сути, но и по форме, по системе доказательств и приёмам аргументации. Пытаясь найти обоснование, допустим, неравной правоспособности гербов, Бартоло обнажает особенности умонастроения своего времени.

Состоящий из 33 глав трактат можно разделить на две части: главы 1-12 посвящены проблемам геральдической практики. Речь идет о праве на обладание гербом, о пожаловании герба, затронуты вопросы его наследования. Во второй части трактата рассмотрены вопросы, касающиеся техники составления гербов (главы 13-23). Часть глав (главы 28-33) затрагивают конкретные ситуации, правила ношения и изображения гербов.

Бартоло интересуется прежде всего «общественная жизнь» герба, а геральдические тонкости для него очевидно менее существенны.

---

⁶ *Bascape G.C., Del Piazzo M. Op.cit. P. 27.*

⁷ *Pastoureau M. Traite d'heraldique. Paris, 1993. P. 236.*

Гербы и знаки для него тесно связаны с понятием собственности. Он отстаивает принцип свободного усвоения герба, считает герб средством прежде всего личной идентификации. Но практически в его трактате герб выступает как средство идентификации социальной.

Особый интерес вызывают некоторые конкретные проблемы, в частности, изложение в трактате иерархии цветов. Источники не подтверждают общности этой иерархии для европейского Средневековья. Можно только предполагать источники появления этой иерархии у Бартоло, допуская влияние Аристотеля (идея противопоставления белого и чёрного⁸) или близкое по направленности сочинение *De Sensu et Sensato*, которое есть у Аверроэса⁹ с последующей творческой, в соответствии с библейской ценностной шкалой, переработкой самим Бартоло. Целый ряд последующих авторов геральдических сочинений с упорством переписывал этот раздел трактата с большими или меньшими вариациями: и автор «Сна Садовника», и Онорэ де Бонэ в «Древе битв», и другие.

Если отвлечься от филиации последователей Бартоло в геральдике, то окажется, что число источников, касающихся феномена герба более чем скромно. В их ряду настоящий трактат Бартоло занимает исключительное место.

Перевод выполнен по изданию *Medieval Heraldry. Some Fourteenth Century Heraldic Works*. Ed. E.J. Jones. Cardiff, 1943, текст которого учитывает разночтения рукописей и ранних изданий трактата.

ТРАКТАТ БАРТОЛО О ЗНАКАХ И ГЕРБАХ

1. Знаки (*insignia*)¹⁰, пожалованные по достоинству либо по должности, носит тот, кто обладает этим достоинством или должностью; прочие же нет.

⁸ *Aristotelis. Parva Naturalia. De Sensu*, III. 439b-440b.

⁹ *Averroes. De Sensu et Sensato*. Cambridge, 1949. P. 18.

¹⁰ В большинстве случаев Бартоло употребляет термины *insignia* (знаки) и *arma* (гербы) вместе. В случае употребления термина «знак» в таком контексте, что возможна двусмысленность, а также в случае перевода термина «*signum*» другим словом латынь приводится в скобках.

2. Единственные [в своём роде] знаки достоинства, скажем, короля, никто не может ни носить, ни заставлять изображать их фигуры как главные, но только как дополнительные.

3. Пользуются гербами (арма) и знаками только те, кому они пожалованы. Герб, пожалованный Бартоло и его потомкам – двуххвостый алый лев в золотом поле.

БАРТОЛО О ЗНАКАХ И ГЕРБАХ

4. Каждый может взять себе гербы и знаки, носить их и изображать на собственных вещах.

5. Если кто, взяв герб или знаки другого, которые тот носит издревле, не причинит этим ущерба или вреда, то пусть возьмёт и носит.

6. Когда, кем и каким образом может быть запрещено носить гербы либо знаки другого.

7. Если кто поставит клеймо (signum) другого мастера, которое тот ставит на мечах и прочих изделиях, это законным образом запрещается как им [мастером], так и кем-либо третьим.

8. Нотариус не может присвоить знак (signum) другого, а если присвоит, то это ему может быть запрещено. Изготовителю бумаги может быть запрещено использовать знак (signum) другого изготовителя.

9. Хорошо иметь герб по пожалованию государя, так как он предпочтительнее других и не может быть кем-либо запрещён.

10. Гербы или знаки дома переходят на всех потомков этого рода по мужской линии.

11. Бастарды не пользуются гербами по праву, хотя это обычно не придерживаются в Тоскане.

12. У кого должен оставаться знак (signum) сообщества, если сообщество распалось?

13. Каким образом должны изображаться, расписываться и носиться знаки и гербы?

14. Если животные, которых носят на гербах, изображаются на знамёнах (vexillum) они должны быть обращены к древку, и наоборот, если изображается часть животного.

15. Когда изображаются животные, они должны изображаться в их наиболее благородных позах и так, чтобы они лучше всего выказывали свою силу.

16. Лев, медведь и им подобные должны быть изображены стоящими прямо, с оскаленной пастью и когтистыми лапами.

17. Конь должен изображаться поднятым, как бы скачущим.

18. Агнец должен изображаться спокойно идущим по земле.

19. Когда изображается животное, его правая нога всегда должна быть впереди.

20. На знамёнах смотрят на ту часть, которая обращена к несущему, а не на обратную.

21. Животное, нарисованное на занавеси труб, не должно быть обращено к трубе.

22. Если в качестве герба носятся два животных, обращённых друг к другу, то неважно, каким образом они нарисованы на знамени.

23. Как изображаются гербы, состоящие из сочетания различных цветов? Место впереди и вверху более благородно, чем следующее за ним и внизу. Более благородный цвет должен располагаться ближе к древку.

24. Золотой цвет благороднее прочих, и им изображается солнце. Нет ничего благороднее света.

25. Алый цвет или пурпурный обозначает огонь; он благороден.

26. Третий цвет синий; он обозначает воздух.

27. Белый цвет благороднее чёрного; чёрный цвет – низший

28. Герб, который носят на одежде, верхней частью должен быть обращён к голове, нижней – к ногам. Более благородная часть герба должна располагаться с правой стороны.

29. Герб, который нарисован на спине человека, наиболее благородной частью должен располагаться на левой стороне человека. Почему наш обычай писать разумнее обычая евреев.

30. Буквы и гербы на печатях (in sigillis) вырезаются перевёрнутыми.

31. Гербы, изображаемые на круглых щитах, наиболее благородной частью должны быть расположены в той части щита, которая при ношении его находится справа.

32. Гербы, изображаемые на пополах коней, наиболее благородной частью должно располагать обращёнными к голове коня.

33. Как изображаются гербы на покрывалах ложа, стенах и других неподвижных предметах.

1. Итак, рассмотрим знаки и гербы, которые кто-либо носит на знамёнах и щитах.

Во-первых, законно ли, и в том случае, если законно, то каким образом они изображаются и носятся.

Касательно этого я говорю, что существуют некие знаки достоинства либо должности, которые может носить любой, обладающий таковым достоинством или должностью, подобно знакам проконсула или легатов [. . .]¹¹, так и сегодня мы видим знаки епископов, и их может носить любой, кто обладает этим достоинством, как сказано в указанных законах; другим же носить не дозволено: ведь носящий их впадает в преступление подлога [. . .]. И, таким образом, я полагаю, что те, кто носят знаки докторов, не будучи докторами, должны подвергнуться такому же наказанию.

2. Существуют некие знаки единственного [в своём роде] достоинства. Как мы видим, любой король, любой государь и другие могущественные владетели имеют свои гербы и знаки, и никому другому не позволено их брать и изображать на своих вещах [. . .] ни чёрным [цветом], ни красным.

Это главное, в чем следует разобраться. Но как дополнительные (accessorie) они не запрещены, то есть в знак

---

¹¹ Скобки с отточиями заменяют многочисленные ссылки Бартоло на правовые источники, Дигесты и Комментарий. Мы сочли возможным так поступить, чтобы сосредоточить внимание читателя на основной теме трактата.

подчинённости поверх собственных знаков располагаются знаки короля, герцога, господина либо графа, как это можно видеть обычно¹².

3. Существуют знаки и гербы частных лиц, как благородных (*nobilis*) так и простых (*popularium*) и среди них находятся такие, кто обладает гербом и знаками по пожалованию императора, или короля, или другого господина, как это, я видел, было даровано многим светлейшим государем Карлом Четвертым Римским императором и королём Богемии. Тогда и мне, своему советнику, среди прочего он пожаловал [герб], чтобы я и остальные из моего рода носили алого льва с двумя хвостами в золотом поле. И нет сомнений в том, что им дозволено носить таковые знаки. Ведь спорить о власти государей есть святотатство [. . .]. «Никому не позволено без власти судей изображать знаки на вещах ни красным, ни черным». А ведь если без разрешения судьи что-либо [делать] запрещается, следовательно, властью судьи разрешается.

4. Некоторые же присваивают себе гербы либо знаки своей властью. Надо рассмотреть, позволительно ли им это. Я полагаю, что позволительно.

Ведь как имена придуманы для опознания людей [. . .], так и эти знаки или гербы изобретены для того же [. . .]. Но имя любой может взять себе по желанию [. . .]. Тогда и знаки любой может носить и изображать на [чем-либо] своём, однако не на чужом [. . .].

5. Но если, спрошу я, один носит определённые гербы либо определённые знаки, а другой хочет носить такие же, позволительно ли это, или может быть запрещено? Представляется, что это позволительно, так как любой может брать имя другого [. . .]. И многие могут носить одно и то же имя [. . .].

---

¹² В данном случае, видимо, речь идёт о том, что пожалованные аксессуары могут располагаться в гербе владельца как посредством наложения, так и просто в верхней части щита. Геральдические правила допускают и то и другое, а текст трактата не даёт более определённых указаний.

Следовательно, можно взять чужой герб (*arma aliena*) и можно носить либо помещать на вещах одни и те же знаки, так как обеими сторонами это делается для распознавания. Но в то же время [. . .], если сначала знак был наш, то без нашего позволения не может быть у нас взят. Но это не хорошо сделано: ведь есть и такие случаи, когда нельзя пользоваться целиком [чем-либо], или наоборот, как при пользовании улицей или баней, театром и так далее [когда пользуются все] [. . .]. Кроме того, знак (*signum*) который носит кто-либо, не повторяет другой, но бывают хотя и различающиеся, однако имеющие всяческое сходство. Следовательно, для решения вышесказанного я исхожу из того, что запретить или требовать запрещения носить чужой знак может тот, кому принадлежит этот знак, если вследствие этого он сам терпит ущерб из-за того, что герб обесчещен случайно или используется недостойным образом [. . .].

Во-вторых, на это может пожаловаться и любой третий, которому причинён ущерб; и по его просьбе может быть запрещено носить [герб] [. . .].

В-третьих, судья может запретить [ношение герба], если по должности своей видит, что это может привести к возмущению и раздору среди подданных [. . .].

6. На ранее поставленный вопрос, предварив этими замечаниями, отвечаю так. Если кто присвоил герб, который другой носил издревле и который от него не отличается, не причиняет этим действительного ущерба. Пример: один тевтон во время отпущения грехов¹³ прибыл в Рим, где нашёл некоего италийца, носящего герб и знаки его предков, и хотел на это пожаловаться. Разумеется, он не смог; ведь столь велико расстояние между местом обитания того и другого, что от этого первый не мог понести ущерба. Следовательно, если кто присвоил себе право пользования [гербом], ради общего блага не разрешено жаловаться на это, кроме как по великой причине [. . .].

---

¹³ Предположительно в 1300 г.

7. Но бывает и так, что это очень важно для другого. Ведь если человек, имеющий много врагов, жизни которого многие угрожают, присвоит себе герб либо знаки другого, спокойного и мирного, для того это действительно очень важно, и он может заставить запретить [ношение герба]. Так, может быть подана просьба, чтобы не носили бесчестным образом его герб или знаки, как сказано; может быть даже потребовано запрещение [ношения герба], чтобы из-за одинаковых гербов один вместо другого не был убит или не потерпел ущерба. Так же [поступают], если из-за этого каким-либо образом ущемлена честь (pudor) первого [. . .].

Бывает и так, что это важно для многих людей. Приведём пример из других знаков, которые не носят как гербы. Положим, что существует некий искуснейший кузнец, который на своих мечах и других изделиях ставит определённые знаки, по которым узнаются изделия этого мастера, и потому эти товары лучше продаются и охотнее покупаются. Таким образом, я полагаю, что, если другой сделает такое же клеймо, оно может быть запрещено, так как этим наносится ущерб народу. Ведь изделия одного принимаются за изделия другого [. . .].

8. И этим же рассуждением я пользуюсь, говоря о знаках нотариюв [. . .], ибо отмечается, что если кто-либо присвоит знак другого, то это может быть запрещено. То же относительно знаков (signa), которые употребляют изготовители бумаги. В сходных случаях [пользуемся] тем же соображением. И пусть это, как сказано выше, также решает судья.

9. Но, следуя этому, я спрошу, почему предпочтительнее обладание им [гербом] по пожалованию государя? Отвечаю подробно.

Во-первых, потому, что они – наибольшего достоинства, подобно завещаниям, сделанным в присутствии государя [. . .].

Во-вторых, потому, что кто-либо другой не может запретить их носить [. . .].

В-третьих, потому, что, если двое присвоят один и тот же герб либо одни и те же знаки и не ясно будет, кто рань-

ше, а кто позже, преимущество имеет тот, кто получил их от государя [. . .].

В-четвертых, потому, что если они находятся в войске либо где-нибудь ещё и выясняется, какие гербы должны идти впереди, то должны предпочитаться те гербы, которые пожалованы государем [. . .].

И я придерживаюсь вышесказанного, при прочих равных, так как, с одной стороны, те, кто имеют гербы – равного достоинства; с другой стороны, предшествует герб того, кто обладает большим достоинством [. . .].

10. Я спрашиваю, каким образом эти гербы или знаки переходят к наследнику? Существует некий герб одного дома или рода, и он переходит ко всем потомкам этого рода по мужской линии, являются ли они наследниками отца либо деда их или нет [. . .]. И никто не может присвоить его себе одному [. . .]. На родственников по женской линии или свойственников (*affines*) он не распространяется [. . .].

11. Но можно спросить, могут ли этим знаком пользоваться бастарды или спурии¹⁴? Видимо, нет, так как они не принадлежат к семье (*de familia*) либо к родственникам по мужской линии [. . .]. Однако противоположный этому обычай наблюдается в Тоскане, и его следует придерживаться. Когда же множатся те, кто носят одинаковые знаки или гербы, то по обычаю поверх некоторых добавляется ещё что-либо, чтобы их распознавать и от других отличать, что разрешается, подобно тому как к фамилии (*nomen*) прибавляют имя (*praenomen*). Существуют также и знаки неких сообществ торговцев; но здесь, так как сообщество не переходит к наследникам, о них говорить не надо.

12. Но у кого останется этот знак (*signum*) если сообщество распадётся? Ведь то, что все пользуются одним и тем же знаком, не все равно, как было сказано выше. Я отвечаю, что если есть в сообществе один, кто был как бы главою (*capitaneus*) и как бы старшим (*magister*) сообще-

---

¹⁴ Спурii (*spurii*) – незаконнорождённые по женской линии в отличие от таковых по мужской – бастардов.

ства, то он и будет его носить; то же относительно сходных случаев [. . .]. Знак должен остаться у него, так как среди прочих он был наиболее уважаемым [. . .]. Если же там не было такового, тогда пусть останется у того, кто был наиболее состоятельным членом сообщества.

А что же, если все равны? Тогда решает жребий [. . .]. Я полагаю, однако, что если при распадении сообщества останется один [продолжающий дело] торговец, то и знак должен остаться у того, у кого останется дело, и это потому, что для других это не важно. Кроме того, хотя распалось сообщество, однако дело остаётся у него. Следовательно, было бы несправедливо, чтобы знак, бывший принадлежностью этого предприятия, был бы от него отделён [. . .].

Существуют и некие знаки (signa) ремесла или мастерства; и здесь надо отметить, что когда есть эти ремесленные знаки, то они в основном обозначают качество [изделий] этого места. Пример: в Анконской марке есть некий благородный замок [castrum], имя которому Фабриано, где в основном процветает ремесло изготовления бумаги; и там для этого много мастерских; и лучшая бумага – оттуда, во многом благодаря добросовестности работающих там. И, как мы видим, там любой лист бумаги имеет свой знак (signum), посредством которого обозначается, в помещении какой [мастерской сделана] бумага. Следовательно, у кого – по праву ли собственности или аренды [jure conductionis] или под любым другим обозначением, целиком, частично или в кредит – остаётся помещение, в котором она делается, у того в этом случае остаётся и знак. И пока он владеет [мастерской], использование знака не может быть [ему] запрещено, как и в отношении прочих имущественных прав [. . .]. То же относительно берущихся за подобные занятия.

Существуют и некие знаки ремесла, которыми в основном обозначают высокое качество ремесла, как мы видим это в клеймах (insignia), которые ставятся на шпагах, мечех и других металлических изделиях, и в этом случае все, кто находится в одной мастерской (statio), могут использовать

этот знак, так как глава этой мастерской отвечает за эти изделия [. . .]. Если же они отделяются, то тогда знак должен остаться у того, кто был главным в мастерской [. . .]. Но если случится так, что все были равны, тогда они собираются вместе, и у кого останется этот знак, определяется жребием [. . .].

13. Далее важно рассмотреть, как эти гербы либо знаки должны быть нарисованы, запечатлены и носимы. Для этого надо знать, что иногда они носятся на знамёнах (*vexillis*) и флажках (*vexillullis*)¹⁵, иногда на одеждах человека, иногда на щитах, на покрывалах ложа и другом тому подобном, иногда рисуются либо иначе изображаются на стенах или на других неподвижных предметах. Желательно рассмотреть каждый случай из указанных выше.

Необходимо знать, что иногда эти знаки выбираются из каких-либо существующих вещей; ведь многие берут [в качестве такового] какое-либо животное, либо замок, либо гору, либо цветок, либо что-то подобное; а иногда эти знаки не заимствуют какого-либо существующего предмета. И это есть знаки простые, то есть сочетания цветов, [делящие щит] пополам или на четверти, либо прямостоящими полосами, либо поперечными и наклонными и тому подобными; а иногда смешивается и то и другое. Сказав об этом, посмотрим, как их носят.

14. На знамёнах носят знаки, которые обозначают какой-либо уже существующий предмет. Добавлю, что искусство подражает природе, насколько может: поэтому эти знаки должны следовать природе вещи, которую изображают, а не иначе [. . .]. Что же касается знамени, то, согласно его предназначению, оно носится на древке, древко движется впереди, и знамя следует за ним¹⁶; поэтому, каким

¹⁵ *Vexillulum* – нечто подобное небольшому штандарту. См.: Корнаков П.К. Вексиллологическая терминология // Геральдика: Материалы и исследования. Л., 1983. С. 122-123.

¹⁶ Конструкция средневекового воинского знамени представляла собой знаменное полотнище, прикреплённое верхним краем к горизонтальной перекладине, которая в свою очередь крепилась к вертикальному древку. Знамя такого вида, типа хоругви, и называлось в Средние века

бы ни было животное, которое должно быть изображено на знамени, оно должно быть обращено головой (*facies*) к древку, так как по природе своей голова должна быть впереди.

То же касается всякой вещи и фигуры, имеющей части, которые могут быть обозначены как предшествующие (*ante*) и последующие (*post*), как было показано в предыдущем примере, тогда предшествующая часть вещи всегда должна быть обращена к древку; иначе она кажется как бы идущей назад, что противно-естественно. Но если гербом или знаком избирается только предшествующая часть какой-либо вещи, подобно тому как некоторые употребляют в качестве своего знака голову агнца, или быка, или другого животного, тогда предшествующая часть не может быть обращена к древку, но смотрит в сторону.

15. Но как быть, когда есть сомнения, каким образом указанные животные должны быть изображены – либо стоящими прямо, либо ровно идущими по земле, либо как-то иначе? Отвечаю. Указанные животные должны изображаться в их наиболее благородных позах, а также в тех, в которых в наибольшей степени проявляется их сила [. . .], подобно тому как с древности принято, чтобы государь и понтифик изображались со знаками их достоинства.

16. Касательно основного предмета я считаю, что есть некие животные – лев, медведь и им подобные – натура которых свирепа [. . .], и они должны быть изображены в состоянии свирепости. Следовательно, лев изображается стоящим прямо, с оскаленной пастью, скрежещущий зубами, роющий лапами; и подобные ему животные [изображаются] таким же образом. Ведь в этом состоянии лев проявляет более всего свою силу.

17. Существуют и несвирепые животные. Их наиболее благородное состояние должно также быть показано раз-

---

vexillum (см.: *Корнаков П.К.* Указ. соч. С. 123). Однако можно предположить, что Бартоло известно и такое знамя, которое одной стороной знаменного полотнища крепилось непосредственно к вертикальному древку.

личными способами. Отсюда, если кто-либо носит в качестве своего герба [изображение] коня, не должен изображать его поднятым на дыбы: поскольку это для коня – порок; поэтому должно его рисовать устремлённым вперёд таким образом, как будто конь скачет. Ведь в этом состоянии более всего проявляется его сила.

18. Но тому, кто в качестве своего герба носит [изображение] агнца, его следует изображать спокойно идущим по земле. Ведь в этом состоянии более всего проявляется его сила. И обо всех других животных и птицах можно сказать то же самое.

19. Что же касается [изображения] ног, то надо заметить, что впереди всегда должна идти правая нога, ибо, как было сказано выше, движение начинается справа. Другими словами, изображать её левой было бы против естества, что порочно [. . .]. Однако здесь есть некоторые сомнения.

Как быть, если [при взгляде] на то, что изображено на знамени, с одной стороны видится так, будто правая нога идёт впереди, [а при взгляде] с другой – видится, что идёт впереди левая нога? Это несоответствие ещё более явно заметно у тех, кто в своём гербе имеет какую-то одну или несколько букв. Ведь буквы выглядят правильными лишь с одной стороны, а с другой стороны форма букв чаще всего неверна, что становится ясным, если посмотреть написанные буквы с оборотной стороны.

20. Но надо сказать, что, подобно тому как смотрят на ту сторону букв, которая повёрнута к пишущему, а не на оборотную, так и в знамени смотрится та часть, которая обращена к несущему, а не другая; ведь то, что видно с одной стороны, не соответствует главному предназначению, но случайно, словно некто самого себя увидит в зеркале: ведь то, что у него справа, в зеркале окажется левым. Сказанное справедливо для знамён и флажков, которые носят на древке, для которого естественно быть поднятым прямо [. . .].

21. Но когда мы говорим о свободно ниспадающих знамёнах и флажках, которые прикрепляются к трубам (а им

свойственно находиться у рта трубача), тогда голова либо передняя часть изображаемого предмета не должны быть обращены к трубе, как к древку. Ведь труба находится не впереди [подобно древку], а сверху, и поэтому должны быть обращены туда же, куда и [изображение на занавеси] в положении, когда труба расположена ровно. Но когда речь идёт об особенностях гербов и [о том], как их надо смотреть, сказанное достаточно сомнительно.

22. А если носят в гербе двух животных, обращённых либо друг к другу, либо в стороны друг от друга? Тогда нет места и предшествующему изысканию, так как в неясном и неопределённом есть место для предположений [. . .].

23. Относительно второго заметим, что так как гербы (арма) иногда суть некие простые знаки (insignia) и сочетания цветов, то надо уяснить, каким образом их должно носить; и прежде всего скажу, что более благородные цвета должны предпочитаться и помещаться в более благородные места [. . .]. Также замечу, что место впереди и вверху [гербового щита] более благородно, чем позади и внизу¹⁷ [. . .].

Сделав эти предварительные замечания, скажу, что гербы иногда делят пополам, окрашивая половины в разный цвет. Так поступают, когда носят как герб полосы (banderiam) двух цветов, и тогда он делится посередине либо [горизонтально] на верхнюю и нижнюю части, либо [вертикально] на части впереди и сзади. И при сомнении в этих случаях более благородный цвет должен быть вверху, то есть в той части, которая обращена к небу, или впереди, то есть в той части, которая обращена к древку. Если же [герб] окрашивается по четвертям, тогда более благородный цвет должен располагаться в верхней и передней четверти, то есть ближе к древку. Если он раскрашивается вертикальными полосами, тогда полоса более благородного цвета должна быть первой от древка. Если же он раскрашивает-

---

¹⁷ Речь идёт о классическом правиле геральдики, когда наиболее почётным местом гербового щита считается верхняя его часть и геральдическая правая сторона (для зрителя – левая).

ся поперечными полосами, то полоса более благородного цвета должна быть обращена к небу. Если же есть наклонные полосы (*listae vel bandas pendentis*), то, так как древко считается как бы первой частью полосы знамени (*banderia*), более поднятая часть [наклонной полосы] должна быть обращена к древку. Таким образом, всё основывается на вышеизложенном.

24. Но бывает сомнение, какой цвет более благороден, и тогда надо точно определить: один цвет считается благороднее или ниже другого либо сам по себе, либо исходя из значения того, что он олицетворяет. Прежде всего, наиболее благородным считается золотой цвет: ведь им обозначается свет, и если кто желает изобразить лучи солнца, так как оно является телом наиболее светоносным [. . .], наиболее правдоподобно он может сделать это лучами из золота. Несомненно, что нет ничего благороднее света [. . .]. Поэтому на священной странице в качестве наиболее замечательной вещи изображается солнце [. . .]. И вследствие его благородства никому не позволено носить золотые одежды, кроме одного государя [. . .].

25. Следующий благородный цвет – пурпурный (*purpureus*) или алый (*rubeus*) – изображает огонь, который выше и благороднее всех прочих элементов и есть следующее после солнца светоносное тело; и вследствие его благородства никому не дозволено носить покровы названного цвета, кроме одного государя [. . .] (и в указанных законах говорится, что этот цвет более благороден, чем другие).

26. Следующий за поименованными благородный цвет – синий (*azureus*), которым изображается благородный воздух – тело чистое и прозрачное, в наибольшей степени наполняемое светом; элемент, следующий после огня и благороднее других. Итак, вышеуказанные цвета считаются более благородными по тому, что они олицетворяют.

27. Каким же образом цвета считаются более благородными сами по себе? Я полагаю, что, подобно тому как свет благороднее всего, а противоположное ему, то есть тьма, ниже всего, и в цветах самих по себе белый цвет (*albus*)

более благороден, так как более близок к свету, а чёрный цвет (niger) самый низкий, так как наиболее близок к тьме. Расположенные между ними цвета благородны более или менее согласно тому, больше или меньше они приближаются к белизне или к черноте. Об этом, как мы видим, сказал Аристотель в своей книге «De Sensu et sensato».

28. Я говорил, что иногда гербы носят на одеждах людей. Тогда то, что на гербе является верхней частью, должно быть обращено к голове человека, а то, что является нижней, – к ногам. Далее, более благородная часть герба, изображаемого спереди [на одеждах] человека, например на груди, должна помещаться справа. Ведь эта часть более благородна и отсюда начинается движение, как говорилось выше.

29. Может возникнуть вопрос о том, что изображается сзади [на одеждах] человека. Для объяснения этого я сначала расскажу о споре, который произошёл между иудеями и мною, когда я изучал еврейский язык. Они говорили, что наш способ писать неразумен; ведь мы начинаем писать слева и ведём буквы вправо, и, таким образом, то, что должно быть началом движения, есть окончание его, и то, что должно быть концом, есть начало; а способ письма иудеев разумен, так как они начинают справа и идут влево. Но я отрицал это, говоря, что всё считается разумным с точки зрения цели, к которой направляется; и поэтому конец считается главным смыслом и первым побудительным мотивом действия, и это истинно по природе своей и подтверждается законами. Ибо, если цель действующего разумна, то, даже если она потом не достигнута, считается, что действие разумно [. . .].

А написанное создаётся для прочтения; читать же значит следовать глазами [. . .] и таким образом чтение совершается посредством зрения. Видеть же – есть действие, как говорят физики; написанное же, представ нашим глазам, входит в них; глаза, как говорят, от этого страдают, так как из-за этого портятся.

Следовательно, так как написанное входит в наши глаза, это должно начинаться с правой стороны написанного; ибо эта сторона – начало движения или действия. Но правая сторона написанного, обращённого к нам, есть левая, если смотреть с нашей стороны, как у человека, стоящего лицом прямо ко мне, правая сторона для меня – слева. И потому оказывается, что более разумно читаем мы, ибо мы видим цель. А следуя обычаю иудеев, [чтение] начинается с левой стороны, так как письмо начинается справа.

Следовательно, на поставленный вопрос о том, как должны правильно рисоваться гербы сзади на одеждах человека, я отвечаю, что та часть герба, которая является передней, то есть более благородной, должна помещаться у человека слева. Обоснование тому – его герб должен быть таков, чтобы другой смотрящий видел его правильным, то есть изображение этого герба должно быть обращено своей [последующей] частью вправо. Но представь, что человек имеет сзади некое изображение; без сомнения, та сторона, которая была левой, сзади будет правой. Либо предположи, что некто хочет на латыни [прочитать что-то] в зеркале: тогда, без сомнения, он начнёт с левой стороны, так как в отношении букв она будет правой, как было показано выше.

Самый наглядный тому пример – вырезание печати, так как мастер на манер иудеев начинает писать всё наоборот для того, чтобы потом на воске всё отпечаталось по обычаю христиан. Это наилучший пример для наглядного подтверждения вышесказанного.

30. Из этого же ясно, что буквы и гербы на печатях должны вырезаться [зеркально] перевёрнутыми, так, как это делается с целью отпечатывания на воске либо другом материале; и то, что на печати перевёрнуто, на воске либо другом материале окажется правильным; и, таким образом, мы должны иметь в виду цель, ради которой это делается, а не то, как это делается. Если же вырезается на какой-либо вещи, которой не пользуются как печатью, то вырезать надо правильно, [а не зеркально].

31. Иногда герб рисуется на круглом щите, и тогда подобным же образом та часть щита, которая согласно обычаю его ношения обращена к правой стороне человека, должна считаться предпочтительной, что вытекает из того, что было сказано.

32. Иногда он носится и изображается на пополах коней, и тогда как с правой, так и с левой стороны герб должен быть обращён к наиболее благородной части коня – к голове, так как когда многие прибывают верхом для конной службы, то и справа, и слева любой видит голову коня. Ибо невозможно, чтобы один видел голову, а другой – хвост; ведь это для всех неудобно. Когда же они должны стоять по линии либо группой, тогда правая сторона [герба] должна располагаться согласно тому, что было сказано.

33. Иногда [герб] изображается на покрывалах лож и тому подобного, и тогда тот предмет, на котором он должен быть изображён, должен быть рассматриваем в том положении, которое ему наиболее свойственно. Ведь есть части покрывал, которые идут вокруг ложа, другие же свободно лежат поверх него; и там, где они лежат, [герб] изображается так, как изображался бы у человека, лежащего на ложе. На свисающих [покрывалах] герб изображается так же, как у прямо стоящего человека.

Иногда же он изображается либо рисуется на стенах или других неподвижных предметах, и тогда, если то место, где он рисуется, стена или выглядит как стена, так, что своей поверхностью, а также и правой стороной, которую определяем, она обращена к нам, тогда изображение либо более благородная часть герба должны быть на ней справа. Вышесказанное верно, если нет причины сделать иначе.

Что же, если посредине стены находится статуя государя, либо другого выдающегося лица, либо королевский герб? Тогда те гербы, которые рисуются с обеих сторон, должны быть обращены к этой статуе либо гербу, как справа, так и слева, подобно тому как три стоящих вокруг властелина человека обращены к нему. Но если же место, где рисуется [герб], является потолком, или комнатой, или за-

лом? Тогда из сказанного ранее в книге следует выяснить, что считается главной частью комнаты или зала.

После этого представь человека, лежащего там и повернутого лицом к нам, из чего и определи правую и левую стороны, и таким образом – способ изображения и начало его, как следует из предшествующего. Если же место, где [герб] рисуется, является потолком или полом, то точно так же сообрази, где голова и где ноги, и представь себе человека, лежащего там, повернутого лицом к нам, и так определи правую и левую стороны, из чего выведешь и наиболее разумный способ изображения.

Однако ты должен знать одно: хотя и можно свой герб и знаки высекать или рисовать на земле, однако герб своего господина или могущественного лица (*maiores*) не позволено на земле высекать или рисовать, подобно тому как знак Спасителя Христа не позволено ни высекать из камня или мрамора, ни рисовать красным или чёрным и так далее.

Приложение 2.

Антонио Агустин ДИАЛОГИ О ГЕРБАХ

(Статья, перевод, комментарии А.П. Черных. Фрагмент печатается по изданию: Черных А.П. Антонио Агустин и его «Диалоги о гербах» // Европа. Международный альманах. Вып. X. Тюмень, ТюмГУ, 2011. С. 205-225)

В истории геральдики XVI век занимает особое место, ибо к этому времени были уже основательно забыты те мотивы, которыми руководствовалось общество времен возникновения геральдики, и общераспространённое присутствие гербов в повседневной жизни требовало объяснений. Поэтому XVI век породил множество родовых легенд, геральдических мифов и фантастических объяснений происхождения и значения гербов. Самого термина «геральдика» ещё не было в употреблении, и объяснение совокуп-

ности всего, что имело отношение к гербам шло как путем объяснения происхождения отдельных гербов, так и путем попыток объяснения значений компонентов герба. Этим занимались многие авторы, обладавшие разного уровня интеллектуальными возможностями.

Фигуру Антонио Агустина и Альбанеля (1516–1587 гг.) в европейском интеллектуальном мире XVI в. нельзя назвать незаметной: архиепископ Таррагонский, доктор обоих прав, он был видным богословом, активным деятелем Контрреформации, историком и правоведом. С его именем связано становление гуманистической и эрудитской традиции Пиренейского полуострова. Образованнейший человек, по свидетельствам современников Агустин обладал энциклопедическими познаниями. По сравнению со всем объемом научного, богословского и переводческого наследия А. Агустина геральдическая составляющая его творчества достаточно скромна – это всего одна книга. Но Агустина нельзя рассматривать как тривиального тщеславного писателя, обратившегося к геральдике с целью поведать о своей причастности к «благородной науке» – он весьма искушённый и образованный представитель испанского общества XVI в., и понимание геральдики его времени отразилась в его сочинении «Диалоги о гербах»¹⁸.

Из шести диалогов, излагающих геральдические материи, собственно геральдике посвящён разделённый на 54 параграфа первый диалог, затрагивающий вопросы формальной геральдики (происхождение гербов, деления, фигуры, дополнения), а в последующих диалогах геральдические материи излагаются в связи с родословиями знати. Первый диалог представляет собой теоретическое введение к остальным пяти диалогам, в которых преобладающим является генеалогическое содержание, поэтому он

---

¹⁸ *Agustín A. Diálogos de las armas y linages de la Nobleza de España.* Madrid, 1734 [далее *Agustín A. Diálogos de las armas...*]. Труд Агустина сохранился в двух рукописях: *Libro de Armas y Linajes y Antgüedades curiosas, así de España y de su nobleza como de otros puntos del mundo* и *Diálogos de Armas y Linajes de don Antonio Agustín*. Обе хранятся в

сознательно упрощён и создан в виде правильных ответов на правильно поставленные вопросы вполне реальных собеседников Агустина. В средневековой традиции нет недостатка в произведениях в виде диалога, и образованному священнослужителю Агустину форма катехизиса не была чужда. Вопросы собеседников излагают общепринятую точку зрения, оппонентом которой и выступает сам Агустин в своих ответах.

Излагая формальную геральдику Агустин, в отличие от многих, начинает со своего рода исторической части (§§ 2-24). В попытке дать ответ на вопрос о причинах появления геральдики Агустин, отвергая распространённые заблуждения, высказывает замечательные идеи о возможной их связи с родовыми именами (§§ 16-23); не менее критичен он и в вопросе о времени появления гербов (§§ 9-16).

Испанская геральдическая терминология в то время ещё не была утвердившейся и Агустин приводит параллельные французские названия геральдических цветов и терминов (§ 26). Сочинение явственно отражает процесс становления испанской геральдической терминологии как национальной. Очень показательны слова Агустина, отмечающего в § 42 очевидное несоответствие между практикой и попытками теоретических измерений.

Возможно, что именно Агустину принадлежит одна из первых в гербоведении попыток сопоставления различных способов обозначения младших линий рода. Во всяком случае, он отмечает их отсутствие в Германии и наличие классической системы бризур во Франции. Положения формальной геральдики Агустин старался проиллюстрировать испанскими примерами, отмечал частотность бытования того или иного элемента в разных странах, в той или иной части Испании. Объясняя появление отдельных элементов в гербах, он часто апеллирует к национальной истории и считает многие элементы гербов сохранившейся памятью деяний знати, напоминанием о славных подвигах,

---

Библиотеке Академии истории в Мадриде.

сражениях, то есть памятниками национального прошлого. Старинное право «знамени и котла», по его мнению, послужило основой появления котлов (*calderas*) во многих испанских родовых гербах¹⁹, с чем нельзя не согласиться.

Несмотря на то, что иногда его утверждения бывают неверны с точки зрения истории геральдики и самой истории, Агустин интересен прежде всего своей позицией в отношении появления гербов. Он не считает гербами знаки римских когорт (§ 8), что необычно для его времени. И более того – целый ряд визуальных признаков, а именно знаки ремесленников и издателей, он полагает возможным поставить в ряд гербов.

Показательна его критика Хуана Аннио де Витербо, который опубликовал серию древних текстов со своими фантазийными комментариями (*Commentaria super opera auctorum diversorum auctorum... Rome, 1498*) и таким образом запустил в свет целый комплекс историко-мифологических сведений, в том числе и изобретённую им генеалогию ранних испанских королей, которая, несмотря на неоднократные критические оценки, была весьма распространена в испанской историографии XVI–XVII вв. Агустин предлагает гораздо более реалистичную картину: он считает возможным говорить о гербах не ранее, чем в правление первых самостоятельных кастильских графов Фернана Гонсалеса и Гарсии Фернандеса (§ 10). Это тоже несколько рано – X в., но это уже намного ближе ко времени действительного появления гербов, а во-вторых, это связано уже с реально существовавшими, историческими личностями. Агустин не только отрицает наличие гербов у готских королей, но и само это отрицание мотивирует тем, что тогда ещё не существовало этих исторических королевств и названия их отсутствовали (§ 12–16). Он выходит на мысль о связи между появлением гербов и формированием родовых имён (§ 16–24).

---

¹⁹ *Agustín A. Diálogos de las armas... P. 84-86 § 45-47.*

Агустин предложил несколько классификаций гербов, причём посчитал возможным выделить в особый раздел гербы наиболее важных городов²⁰. Это весьма ценно, принимая во внимание то, что городские гербы в испанской литературе нередко гербами не считались и наряду с родовыми не рассматривались. Агустин воспринимал геральдику как историческое, изменяющееся явление и он очень близко подошёл к её действительной хронологии и раннему генезису.

Завершает первый диалог А. Агустин описанием ситуации Нового времени, когда в результате массового аноблирования и использования гербов «новой знатью» получило распространение представление о том, что необходимы различия во внешнем виде гербов, необходимы дополнительные элементы (§§ 53-54).

В традиции испанской геральдической литературы Агустину предшествуют сочинения XV в. Диего де Валеры, Грация Деи, Феррана Мехии. Ими была заложена традиция интеллектуального отношения к феномену гербов. Агустин, с одной стороны, разделяет ряд общепринятых мнений, в том числе и исторически сложившихся заблуждений, а с другой стороны он, как человек выдающейся для своего времени образованности, целый ряд этих неверных точек зрения подвергает критике, во многом весьма успешной, конструктивной и, как показало время, исторически грамотной. Наиболее ценное в позиции Агустина – это попытка критической оценки истории национальной геральдики, отход от распространённых в XVI в. мифологизированных представлений о её начале, это восприятие геральдического единства Пиренейского полуострова, общности его эмблематического пространства.

При жизни Антонио Агустин не успел опубликовать свой труд, посвящённый испанской геральдике. Тем не менее, это небольшое сочинение, отразившее геральдику такой, какой она стала к середине XVI в. – выдающийся

---

²⁰ *Agustín A. Diálogos de las armas...* P. 14, § 4.

памятник развития гербоведческой мысли. Оно предвосхитило исследования XVII в., эпохи становления гербоведения, представленной именами Ш. дю Канжа, К.-Ф. Метрже, Ф. Шпенера и других.

Предлагаемый вниманию перевод выполнен по изданию *Agustín A. Diálogos de las armas y linages de la Nobleza de España*. Dir. por G. Mayáns i Siscár. Madrid, 1734.

АНТОНИО АГУСТИН. ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ О ГЕРБАХ

Собеседники А.В.С.

§ 1 В. Уже много дней как я хочу узнать в точности, как появились рисунки гербов на щитах, о способе их употребления, который сегодня используют во всех странах Европы, и который, как представляется, служит для отличия кабальеро от других. В другой раз В[аше] В[ысокопреосвященство] говорили, что они не очень древние, и что имеются определённые их цвета. Единственно, я бы хотел, чтобы сегодня наш день был посвящён этим вещам, если В[аше] В[ысокопреосвященство] согласны, и я также понял, что сеньор С., с которым я об этом говорил, желает того же.

§ 2 А. Есть другие люди, которые проникли в это лучше, и мне известно не больше, чем я видел в книгах, написанных об этом предмете. Мы получим от них мало помощи; особенно в вопросе о древности гербов, которые полны весьма баснословных вещей; как будто были гербы двенадцати колен израилевых, согласно тому, что пророчествует о них Иаков²¹. Также наделяют гербами греков и главных троянцев времен разрушения Трои.

---

²¹ Имеется в виду т.н. Завещание Иакова (Бытие. Гл. 49). Двенадцать колен израилевых – потомки двенадцати сыновей Иакова. Понятие двенадцати колен Израиля фигурировало в позднесредневековой западноевропейской литературе, в том числе и геральдической, в которой знаки колен, основанные на библейском тексте, рассматривались как ранние гербы.

§ 3 В. Почему так? Разве не было в то время гербов, и щитов, и шлемовых эмблем?

§ 4 А. Я не отрицаю, что в то время они имели наступательное или оборонительное оружие²², поскольку сражаться [свойственно] со времен самых древних, как говорит Священное Писание, [сообщая] о битве Авраама для освобождения его зятя Лота, который был во власти его врагов²³. Также я не отрицаю, что обозначать королей, кабальеро и других доблестных мужей с помощью некоторых известных знаков – это древняя вещь. И иметь некие знамёна, или стяги (*guiones*) для того, чтобы народ следовал за этим знаком, как войско Израиля, когда бежало из Египта, которому дал Бог один столб из тучи, чтобы следовать за ним днём, и другой – огня – для ночи. По крайней мере, о знамёнах я не слышал упоминания от времён очень древних; однако о шлемовых эмблемах и других знаках на щитах есть много упоминаний у Гомера и Вергилия.

§ 5 С. Орлы римлян не были знамёнами, или были нарисованными на них, или на их щитах?

§ 6 А. Однажды я говорил, что орлы были объёмными фигурами, позолоченными или посеребрёнными, и поднятыми вверх на шестах; и один служил для одного легиона, который делился на десять когорт. И каждая когорта имела один объёмный знак, помещённый на своём шесте, или копье, и эти копья назывались знаками когорт (*signa cohortium*), и те, кто их несли – знаменосцами (*signiferi*), а тот, кто нёс орла, назывался *aquilifer*. На щитах римлян, которые есть на арках в Риме, и на колонне Траяна²⁴, и на других древностях изредка имеются орлы со многими лучами, цветами и венцами, и лучи квадратные или круглые.

§ 7 В. В[аше] В[ысокопреосвященство] нам как-то говорили, что имели цветную книгу, которая называется *Notitia*

---

²² В большинстве романских языков «герб» и «оружие» обозначаются одним и тем же словом (*armas*).

²³ Бытие. Гл. 14.

²⁴ Колонна на форуме Траяна в Риме, созданная Аполлодором Дамасским в 113 г. н. э. в честь побед над даками. Изначально была увенчана орлом.

Dignitatum²⁵, и что там было много различий нарисованных щитов. Скажем ли мы, что это они и есть те самые древние гербы?

§ 8 А. Я их не считаю гербами (*armas*), а лишь знаками (*señales*) различения отдельных когорт, как если бы один корабль нёс знаком волка, другой – пса, другой – кентавра, или минотавра, другой – руку, другой – корону, другой – ладонь, и также другие вещи. Гомер и Вергилий сообщают о таком виде знаков на некоторых кораблях, и также о других – для кабальеро; и были также те, что имели в своих лавочках ремесленники (*oficiales*) в Венеции и Риме, и в других частях Италии и Испании, и также издатели: Альд – якорь, другой – грифа, другой – кадуцей²⁶, другой – один цветок геральдической лилии, и также другие²⁷.

§ 9 С. Я бы предложил [рассмотрению] В[ашего] В[ысокопреосвященства] гербы очень древние, каковыми являются королевские гербы Кастилии со времен короля Бриго²⁸, весьма близкие ко временам Ноя, согласно Беросу²⁹ и его комментатору брату Хуану Аннио де Витербо³⁰.

²⁵ *Notitia Dignitatum* – список должностей Западной и Восточной Римских империй конца IV или начала V в. Подробнее см. *Ткаченко А.А.* «*Notitia Dignitatum*» как источник по позднеантичной эмблематике // *Signum*. М., ИВИ РАН, 2000. Вып. 2. С. 33-40.

²⁶ Кадуцей – жезл Гермеса (Меркурия) из лавра или оливы, обвитый двумя змеями и иногда увенчанный двумя маленькими крыльями, атрибут и средоточие магической силы Гермеса. В Новое время – распространённая эмблема магии, астрологии, мира и торговли.

²⁷ Типографским знаком Альда Мануция (1449–1515 гг.) было изображение якоря и дельфина, Жана Кальве (1499 г.) – гриф; Жана Пети (1493–1541 гг.) или Жаме Метайе (1547–1565 гг.) – геральдическая лилия, Пьера Реньо (1496–1546 гг.) или Андре Вешеля (1535–1573 гг.) – кадуцей.

²⁸ Мифический четвёртый король Испании Бриго I, ему приписывалось начало употребления изображения замка; по мифологической генеалогии – потомок Ноя.

²⁹ Берос (исп. *Beroso*, *Beroso de Babilonia*), вавилонский халдейский священник III в. до н.э., автор «Вавилонской истории» (*Babyloniaka*) на греческом языке в трёх книгах. Полный текст утрачен ещё в античное время.

³⁰ Аннио де Витербо, Хуан (исп. *Annio da Viterbo*, лат. *Joannes Annius Viterb(i)ensis*) (ок. 1432–1502 гг.), доминиканец, учёный и историк.

§ 10 А. Я не могу говорить что-либо против герба столь славных королей, каковы короли Кастилии, которые выиграла столько битв против мавров и собрали Испанию, или большую её часть, и дивно прославили католическую веру. Однако эти гербы – золотой замок в красном поле – времени ни Ноя, ни Бероса, и всё, что об этом говорит брат Хуан Аннио, есть выдумки из его головы. Лучше полагать, что эти гербы носили графы Кастилии Фернан Гонсалес и Гарсия-Фернандес³¹, и те, что были после них, после того как они соединились с гербами королей Леона. И не лишним будет заметить, что это было немного времени тому назад и, если мне хорошо помнится, объединёнными замки и львов носят со времён короля Альфонса Мудрого³².

§ 11 В. Готские короли не носили этих гербов, хотя были сеньорами Кастилии и Леона?

§ 12 А. Они были также сеньорами Арагона, Наварры и Португалии, и не носили гербов этих королевств, и ни самих имен Кастилии, Леона и Арагона и других, ни гербов их, во времена готов не было.

§ 13 В. А каковы были гербы готов?

§ 14 А. Читая первую часть Книги об испанских делах (*Libro de las Cosas de España*) Педро Антонио Бойтера³³, и в

Наиболее известное произведение – «Комментарии к древним авторам...» (*Commentaria super opera diversorum auctorum de antiquitatibus loquentium*. Rome, 1498).

³¹ Фернан Гонсалес (исп. Fernán González) (ок. 910–июнь 970 гг.), граф Кастилии и Бургоса (931–944 гг., 945–970 гг.), старший сын основателя династии Лара Гонсало Фернандеса. Объединил под своей властью восточную часть королевства Леон. Его сын Гарсия-Фернандес, Гарсия I Фернандес (исп. García Fernández Él de las Manos Blancas) (938–995 гг.), первый независимый от королевства Леон граф Кастилии в 970–995 гг. из династии Лара. С его именем связана первая в Кастилии передача престола по наследству от отца к сыну.

³² Альфонс X Мудрый (исп. Afonso X o Sábio) (1221–1284 гг.), король Кастилии и Леона с 1254 г.

³³ Бойтер, Педро Антонио (исп. Beutèr Pedro Antonio, лат. Beutherus) (1490/95–ок. 1555 гг.), теолог, автор трудов по каноническому праву (*Annotationes Decem ad Sacram Scripturam*. Valentiae, 1547 г.), первый валенсийский историк, автор общеиспанской хроники (*Crónica General de toda España*, 1538 г.), имевшей широкое распространение.

частности о Валенсии, встречаешь там гербы короля Атаульфа³⁴ с эпитафией, о которой он говорит, что она находится в Барселоне на его могиле. Я думаю, что в Барселоне мне бы её показали, поскольку там имеется много людей учёных, и никто ни говорил ни о следах такой эпитафии, ни о таких гербах. В действительности в Саламанке в [монастыре] Св. Франциска находится одна книга, в которой есть жизнеописания готских королей в Испании, и каждый король имеет гербовый щит, почти такой, как полагает Бойтер; и гербы королей готов, которые опубликовал Олаф Магнус³⁵, не очень отличаются от объединённых с ними гербов герцогов Саксонии.

§ 15 В. Уж и не такая малая древность, если короли готов имели гербы – по меньшей мере больше тысячи лет, как они пришли в Испанию.

§ 16 А. Я не уверен в этом, но я не хочу противоречить ни этому мнению, ни тем более мнению французов, которые свои три геральдических лилии в синем поле полагают существующими со времён святого Ремигия³⁶ и первого короля, который был крещён и звался Хлодвигом³⁷. И я верю

Он реинтерпретировал некоторые старые легенды; ему приписывается также создание новых; в частности, он наряду с другими считается основателем легенды о четырёх столбах в гербе Каталонии, якобы происходящих от случая, имевшего место при взятии Кордовы в 1236 г.

³⁴ Атаульф (лат. *Ataulfus*, гот. *Athal Wolf*) (ок. 372–415 гг.), король вестготов из династии Балтов, правил в 410–415 гг. Сын Атанариха II.

³⁵ Олаф Магнус (лат. *Olaus Magnus*) (1490–1557 гг.), шведский церковный деятель, дипломат, писатель и картограф, первый шведский гуманист. В 1538–1540 гг. создал принципиально отличную от птолемеевой карту Северной Европы (*Carta Marina*) и книгу «История северных народов» (*Historia de Gentibus Septentrionalibus*. Roma, 1555). Наряду с личными воспоминаниями она включает легенды, фольклор, этнографические сведения и прочее.

³⁶ Ремигий, святой Ремигий Реймский (франц. *Saint Remi*, лат. *Remigius*) (ок. 437–13.01.533 гг.), епископ Реймский. Обратил в христианство салических франков, крестив в 498 г. короля Хлодвига I с воинами и приближёнными. Один из пяти святых покровителей Франции.

³⁷ Хлодвиг I (нем. *Chlodwig*, франц. *Clovis*, лат. *Chlodovechus*) (464/467–511 гг.), король салических франков в 481–511 гг. из династии Меровингов. Сын Хильдерика I.

тем, кто говорят, что до этого гербами королей Франции были три жабы. Тем не менее, они появились у родов, хотя гербы королей, королев, различных поселений и городов, возможно, имеют эту или ещё большую древность. Я не знаю, чтобы её [эту древность] имели гербы кабальеро, и не будет мало, если скажем, что это употребление гербовых щитов ввелось во времена Карла Великого и перешло к их потомкам и наследникам. Прибавь к этому то, что родовых имён до времён Сида³⁸, то есть около тысячного года, употреблялось очень мало, а только спустя более чем триста лет [лишь] некоторыми, не ранее чем после тысяча трёхсотого года.

§ 17 С. Разве римляне не имели родовых имён, как [например] Юлии, Валерии, Корнелии, и те, о которых говорит Маринео Сикуло³⁹, от которых происходят многие роды Испании?

§ 18 А. Всё древнее от римлян в том, что касается родов, закончилось с варварским народом, который пришёл в Рим в разные времена, и потом с разделением Империи на Восточную и Западную, и наконец с приходом готов, лангобардов и других народов. И, хотя в Испании имелись поселения и другие [населённые] места, происходящие от римлян, с другими пришедшими чужеземными народами – такими как аланы, вандалы, свевы и готы, и, наконец, мавры и арабы – всё закончилось.

---

³⁸ Сид Кампеадор, настоящее имя Родриго Диас де Вивар (исп. Rodrigo Díaz de Vivar) (ок. 1043/1050–10.07.1099 гг.), кастильский военный и политический деятель, национальный герой Испании. Вассал Альфонса VI. Историческая и одновременно во многом легендарная фигура испанской Реконкисты.

³⁹ Сикуло, Лусио Маринео (исп. Lucio Marineo Sículo) (ок. 1444–1536), гуманист и историк, автор книги *De rebus Hispaniae memorabilibus Libri XXV*. Alcalá, 1530. Из исторических произведений написал *De laudibus Hispaniae Libri VII*. Salamanca, 1495–1496 гг. (в 1530 г. издано второй раз и в том же году переведено на кастильский) и *De Aragoniae Regibus et eorum rebus gestis libri V*. Zaragoza, 1509.

§ 19 В. Разве не было в Испании много надписей с именами и родовыми именами римлян? Не бывало ли часто так, что от этих лиц пошло их потомство?

§ 20 А. Возможно, что они их имели; тем не менее, я говорю, что не видел такого, чтобы это сохранялось в имени рода, в памятниках, которые от них имеем. Пусть В[аша] М[илость] обратит внимание на имена, которые были утверждены на Толедских соборах⁴⁰, и имена, которые отмечает архиепископ дон Родриго⁴¹, и те, что упоминаются в историях графа Фернана-Гонсалеса, и Сиды Руи Диаса, в Общей истории короля дона Альфонсо⁴², в Родословной

⁴⁰ Толедские соборы (исп. Concilios de Toledo), национальные политико-религиозные собрания вестготского (за исключением первого) королевства, созывавшиеся в г. Толедо в 397–702 гг. Первоначально исключительно церковные собрания. Начиная с общеиспанского третьего (587 г.) на Толедских соборах стали обсуждаться и решаться светские дела, касавшиеся государственного управления, законов, суда и т. д. На четвёртом соборе (633 г.) был утверждён избирательный характер вестготской монархии. Решения соборов после утверждения их королем получали силу закона, обязательного как для вестготов, так и для романского населения.

⁴¹ Родриго Хименес де Рада (исп. Rodrigo Jiménez de Rada, лат. Rodericus Ximēnius) (1170–10.06.1274 гг.), архиепископ Толедо (1209–1247 гг.), примас Испании, испанский хронист, активный деятель Реконкисты. Автор латинской хроники «De rebus Hispaniae», известной также под названиями «Historia gótica», «Cronicón das coisas sucedidas em Espanha», «Crónica do toledano», написанной по поручению Фернандо III Святого (*Jiménez de Rada R. História dos factos de Espanha. Intr., trad., notas e índices de J.F. Valverde. Madrid, 1989*). Содержит историю Пиренейского полуострова до 1243 г., послужила для Альфонса X одним из источников при написании «Истории Испании».

⁴² Вероятно, имеется в виду одно из двух произведений, созданных по инициативе и при возможном личном участии короля Альфонсо X Мудрого – «История Испании» (*Estoria de España*), созданная ок. 1260–1274 гг., в четырёх частях: первая начинается с библейских времён и повествует об истории Рима, вторая – о временах варварских королевств, третья посвящена истории астурийского королевства от начала Реконкисты, и четвёртая – истории леоно-кастильского королевства до Фернандо III. Дополнялась в царствование Санчо IV (издание *Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289. Publ. por R. Menéndez Pidal. Vol. 1-2. Madrid, 1955*). Или, возможно, это сочинение на ка-

книге графа дона Педру⁴³, сына короля дона Диниша Португальского⁴⁴; и увидит, что они не употреблялись, за исключением очень немногих имен родов.

§ 21 С. Так как же они различались, если каждый звался Педро, Хуан или Мартин?

§ 22 А. По имени своего отца, как среди греков и евреев. Только изменяли это имя с [помощью] *ez*, и сына Мартина называли таким образом Мартинес, Педро – Перес, и Фернандо – Фернандес; Антона – Антолинес, и так же других. Потом усвоились имена мест, которых были наследниками, как де ла Фос де Лара⁴⁵ или Барбадильо⁴⁶ или, если были от завоевателей, то звались сеньор в таком-то месте,

---

стильском языке под названием *General estoria* (или *Grande e general estoria*). Создание её прервано в 1284 г. Оба труда сыграли важную роль в становлении испанского историописания.

⁴³ Педру Афонсу (порт. Dom Pedro Afonso, Conde de Barcelos) (1287–1354 гг.) побочный сын короля Португалии Диниша I, португальский поэт и трубадур, автор Родословной книги, составленной ок. 1344 г. – основного генеалогического памятника португальского и в значительной части кастильского Средневековья.

⁴⁴ Диниш I (порт. Dinis I de Portugal o Lavrador) (9.10.1261–7.01.1325 гг.), шестой король Португалии из Бургундской династии. Сын Афонсу III.

⁴⁵ Фос де Лара (исп. La Foz le Lara), местечко близ Бургоса. Лара – старинный кастильский род, известный с XI в., происходящий от графов Кастилии, давший начало многим знатым родам Испании. В XVI в. потомки рода занимали наиболее высокие светские и духовные посты в Испании. Первоначальные гербы рода – в серебряном поле два чёрных котла в столб (*Menéndez Pidal F. Los sellos de los señores de Molina // Anuario Estudios Medievales. Nº14. Barcelona, 1984. P. 117*), одни из древнейших в Испании, известны с XIII в., отмечены в гербовниках Гарсии Алонсо де Торреса, Стеве Тамборино и др. (*Riquer, Martín de. Heráldica castellana en tiempos de los Reyes Católicos. Barcelona, 1986*). Есть варианты с шахматными котлами.

⁴⁶ Барбадильо (исп. Barbadillo) – кастильский род, происходящий из Бургоса. Современный Барбадильо-дель-Меркадо в провинции Бургос в X в. входил в земли рода де Лара; добавление дель-Меркадо получил в XV в.

как мы говорим – Арताल ен Алагон⁴⁷, Ото ен Монкада⁴⁸ и так говорится в старинных привилегиях.

§ 23 В. Таким образом В[аше] В[ысокопреосвященство] отрицает, что были родовые имена и гербы с готских времен, и появились только с тысячного года?

§ 24 А. Я придерживаюсь этого мнения, не разделяя противоположного.

§ 25 В. Расскажите мне, В[аше] В[ысокопреосвященство], теперь о цветах гербов и какие есть другие искусности в делении щитов.

§ 26 А. Есть каждодневно столько неправильностей, особенно в Испании, что я не могу дать определённого правила. Я могу сказать только то, что я прочитал в различных французских, латинских и испанских книгах. Первое правило состоит в том, что в гербах существуют только пять цветов и два металла и два меховых покрытия. Цвета есть красный (colorado), синий (azul), зелёный (verde), чёрный (negro) и пурпурный (morado). Металлы – золото (oro) и серебро (plata). Покрытия (pellejos) – горностаи (armiños) и белка (varios o veros). Французские гербовые короли называют красный – goles, синий – blau, зелёный – sinoble, чёрный – sable и пурпурный – purpura. Второе правило состоит в том, что нельзя иметь ни цвет на цвете, ни металл на металле, что [хвостики] горностаи – чёрные

---

⁴⁷Основателем этого рода, одного из трех наиболее знатных родов Арагона, считается рыцарь Арताल Бранден, женившийся в 1094 г. на дочери короля Педро. Сеньория Алагон создана королём Арагона и Наварры Альфонсо I Воителем (1073–1134 гг.) после отвоевания городка Алагон в 1119 г. и дана в держание Лопе Гарсес Паломнику (?–1133 г.), потомки которого после 1135 г. именовались Арталь де Алагон. В 1575–1588 гг. один из Арталь де Алагон был вице-королем Арагона. Гербы рода – в серебряном (или золотом, согласно Арготе де Молина, поле) шесть (иногда восемь) чёрных кругов; присутствуют в Гельдернском гербовнике (GEL, f. 63v).

⁴⁸Ото ен Монкада (позднее написание – Ото де Монкада) – родовое имя сеньоров баронии Айтона в королевстве Арагон (Валенсия). Знатный арагонский род, известен с X в. С 1324 г. баронией владел Ото де Монкада I «Старый» (?–1341 г.), член совета Хайме II. Гербы рода – в красном поле восемь безантов.

в белом поле. Третье правило состоит в том, что нельзя иметь шахматное или ромбовое [деления, состоящими] из двух цветов или двух металлов, то есть они должны быть из металла и цвета.

§ 27 С. Дайте нам, В[аше] В[ысокопреосвященство], примеры этих правил.

§ 28 А. С удовольствием. Только король Иерусалима носит золотой крест в серебряном поле⁴⁹. Эти гербы у другого лица будут ложными, поскольку несут металл на металле. Если поместить тот же самый золотой крест в красное поле, или красный крест в золотое поле или серебряное, то это будет соответствовать правилу. Сид Руй Диас носил зелёное знамя, и в нём красную перевязь (*vanda*). Если это будет гербом, то это будет противоречить упомянутому второму правилу. И так [из рода] Мендоса, которые носят эти гербы, добавляют тонкие золотые нити или окаймления, с каковыми избегают этого недостатка, и некоторые добавляют четверть *Ave Maria*, золотую с синими буква-

---

⁴⁹ Первым королём Иерусалимского королевства (1099–1291 гг.) был избран Годфруа Бульонский (1099–1100 гг.). Геральдическая традиция приписывала ему герб с нарушением геральдических правил сочетания металлов и цветов – в серебряном поле золотой крестовидный крест, сопровождаемый в четвертях крестиками того же металла – мотивируя это необходимостью воспоминания о его подвигах при взятии Иерусалима. Этот герб в позднесредневековых руководствах по геральдике приводился как пример неправильного герба.

ми⁵⁰, и это гербы [рода] Вега⁵¹; поэтому граф де Монте Агудо, который ныне маркиз де Альмасан⁵², родственник В[ашей] М[илости], не носит этой [четверти] *Ave Maria*, ни маркиз де Каньете⁵³, чтобы не иметь четверти рода Вега;

⁵⁰ Мендоса – старинный испанский род баскского происхождения, ветвь дома де Аро, сеньоров Бискайи. Имя рода происходит от местечка Мендоса в Алаве (Страна Басков), которое Лопе Иньигес получил в держание после кастильского завоевания Толедо (1085), известно с XII в. Возвышение рода произошло в XIV в., когда Хуан Уртадо де Мендоса (погиб в битве при Нахере 3.04.1367) переехал в Кастилию на службу Альфонсо XI. В распри середины XIV в. принял сторону Энрике Трастамара, от которого получили многочисленные милости и привилегии, были одним из самых богатых и могущественных родов Кастилии. К началу XVI в. род Мендоса разветвился и не мог единой сплочённой группой осуществлять благодатную для рода политику поддержки верховной власти. Основной герб рода Мендоса – накосо четверчастный, в 1 и 4 зелёном поле красная (иногда чёрная) правая перевязь, окаймлённая золотом, во 2 и 3 золотом синими буквами текст *Ave María Gratia Plena* – один из самых известных в испанской геральдике, многократно отмеченный в гербовниках и трактатах. Несмотря на претензии рода на наследование этого герба от Сиды Кампеадора, ясности в том, кто именно из рода первым носил этот герб, нет. Известны его варианты, самый известный бытует с момента брака адмирала Кастилии Диего Уртадо де Мендоса (?–1404 г.) с Леонор де ла Вега, когда герб стал накосо четверчастным и добавились золотые четверти рода Вега с *Ave Maria*.

⁵¹ Род Вега происходит с гор Сантандер, распространён по всему полуострову. Вариантов гербов много.

⁵² Первым графом Монтеагудо (сеньория Монтеагудо в юрисдикции Туделы) был Хуан Уртадо де Мендоса, которому этот титул пожаловал король Энрике IV. Ему наследовал его брат Антонио Уртадо де Мендоса, шестой сеньор де Альмасан и второй граф де Монтеагудо. Городок Альмасан в Сории в XV–XVI вв. был столицей сеньориальных владений графов де Монтеагудо. Первым сеньором де Альмасан был Хуан Уртадо де Мендоса Эль Лимпио, а первым, кто стал обладателем титула маркиза де Альмасан (пожалован Филиппом II в 1575 г.) был четвёртый граф де Монтеагудо Франсиско Уртадо де Мендоса (ум. 18.12.1591). Он был сыном Хуана Уртадо де Мендоса, третьего графа де Монтеагудо и седьмого сеньора де Альмасан. Наваррские Монтеагудо носят гербом в золотом поле гору естественного цвета; арагонские – в золотом поле красный пояс; каталонские – в серебряном поле лапу грифа. Есть и другие варианты их герба.

⁵³ Род Каньете происходит от рода Мендоса, от сына Хуана Уртадо де Мендоса Эль Лимпио, получившего в 1400 г. владение Каньете (Куэнка), первым сеньором которого он был. Его правнук Диего

как и те, что из Дома Инфантадо⁵⁴, и маркизы де Мондехар⁵⁵, и другие.

§ 29 В. Я понял это о металлах и цветах, а в отношении покрытий поступают таким же образом? Они считаются цветами или металлами?

§ 30 А. Скажем, металлами, и даём это соображение потому, что они оставляют много белого цвета.

§ 31 В. Что есть эти белки и горностаи?

§ 32 А. Это есть шкуры зверюшек, которые имеются в разных местностях. Горностаи – все белые, за исключением того, что на конце хвоста шкурку имеют чёрную, и в гербах их рисуют очень различно. Таким образом (Рис. 8). Или другим образом (Рис. 9). Так носит герцог Бретонский, не нося какой-либо другой вещи в щите, который [выглядит] как будто взята подкладка из горностаев, и покрывает ими гербовый щит. И также скажу, что он первый, кто стал употреблять их в гербах. И также с белками, которые как бы волнистые, бурые и белые, и в гербы помещаются таким образом, как они здесь помещены (Рис. 10). Их носят Варгас, и Маринеос, и Верас⁵⁶, и в шахматном порядке

(ум. 1542 г., Барселона), с 1534 г. – вице-король Наварры, первым использовал титул маркиза де Каньете. Гарсия Уртадо де Мендоса и Манрике, маркиз Каньете (21.07.1535, Куэнка–1609 г., Мадрид) был губернатором Чили, вице-королем Перу (8.01.1590–24.07.1596). Герб рода Каньете – накосо четверчастный, в 1 и 4 поле – герб Мендоса; во 2 и 3 – в красном поле десять серебряных геральдических листов тополя.

⁵⁴Титул герцогов Инфантадо дарован Католическими королями 22.07.1475 г. рикоомбре Кастилии Диего Уртадо де Мендоса и Фигероа, второму маркизу де Сантильяна (1415/17–1479 гг.). В XVI в. они унаследовали маркизат Каньете. Герб рода – накосо четверчастный, в 1 и 4 поле герб Мендоса с чёрной перевязью, во 2 и 3 золотом – Ave Maria.

⁵⁵ Маркизат совпадает территориально с графством Тендилья, находится в провинции Гвадалахара. Титул маркиза де Мондехар дарован Фернандо Католическим 25.09.1512 г. представителю рода Мендоса дону Иньиго Лопес де Мендоса и Киньонес, второму графу Тендилья (1440–1515 гг.). Карл I (император Карл V) внёс род в число испанских грандов в 1556 г. Известный в Новое время аристократический род.

⁵⁶ Варгас – кастильский по происхождению род; герб – в серебряном поле три волнистых синих пояса. Пример их герба с белкой, как и

Веласкос⁵⁷ и Киньонес⁵⁸. Одни с золотым шахматным [делением] и другие – с шахматным красным [или состоящим из цветов – colorados – АЧ].

§ 33 В. Если третье правило истинно, то в шахматном [делении] должно иметь цвет и металл, а не два цвета или два металла; и если Верас имеют металл [в гербе], то это не хорошо с шахматным [делением] из золота, потому что шахматные клетки получаются золотые и серебряные.

§ 34 А. Возможно, что Веласкос, кабальеро, как известно, столь высокого и столь древнего рода, пренебрегают этим.

§ 35 В. Какие различия между шахматным [делением] и ромбовым?

§ 36 А. Шахматное имеет [одни] линии прямые сверху вниз, а другие – линии [их] пересекающие. (Рис. 11).

Ромбовое [деление] – с линиями пересекающими, как перевязи, таким образом, что образуют много крестов, такой формы (Рис. 12). Одно только шахматное [поле], серебряное и синее, носят [из рода] Толедо⁵⁹; золотое и синее – [из рода] Пуэрто-Картерос⁶⁰; золотое и красное – [из

герба рода Маринес, не обнаружен. Маринес – галисийский род, ветвь которого перешла в Астурию. Вéрас (Véра) – арагонский род, часть которого носит герб – белка в шесть полос, кайма красная с восемью золотыми косыми крестиками.

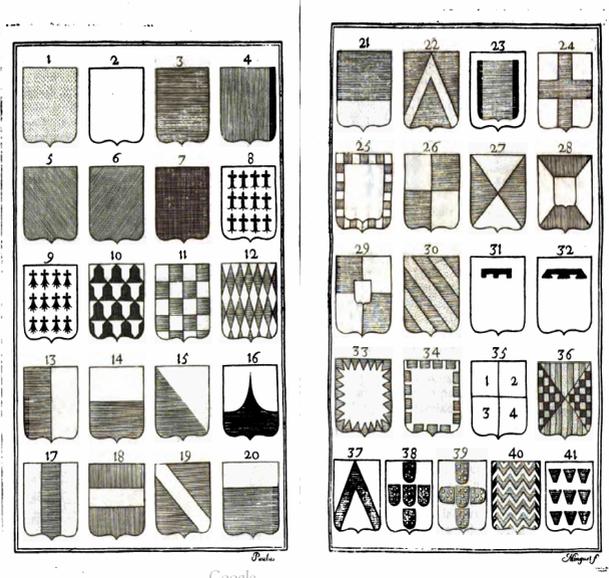
⁵⁷ Веласкос – знатный испанский род, происходящий из Кантабрии. В Средние века и Новое время принадлежал к высшей знати Кастилии. Герб – шахматный золотой и белка; с добавлением составной каймы Кастилии и Леона; он представлен в часовне Коннетабля в кафедральном соборе в Бургосе (должность коннетабля наследственная в роде с 1472 г.).

⁵⁸ Киньонес – знатный испанский род, происходящий из Астурии, один из крупнейших в Кастилии, активные участники Реконкисты. В XVI в. значительная часть владений отошла к короне. Герб астурийских Киньонес – шахматный красный и белка; часть рода носит шахматный серебряный и чёрный.

⁵⁹ Толедо – кастильский род, известен с первой половины XIII в., связан родственными узами с многими родами. Герб – шахматный серебряный и синий.

⁶⁰ Кастильский по происхождению род Пуэрта; распространён по всему полуострову.

рода] Сиснерос⁶¹, золотое и чёрное – графы де Урхель⁶² и [из рода] Луна де Рикла⁶³. К нему добавляют и другие вещи – как [в гербах родов] Сапата и Калатаюд⁶⁴.

⁶¹ Сиснерос – кастильский род, происходят от инфанта Пелайо Фруэла; имя – от одноименной сеньории (города) в Паленсии. Герб – шахматный золотой и красный.

⁶² Графство де Урхель – каталонская сеньория, известная с VIII в., входила в состав Толосской марки, отвоевана в 785–790 гг. До 992 г. управлялась графами из различных родов; первая наследственная династия графов де Урхель – с конца X в. до начала XIII в. Вторая династия, при которой использовался упоминаемый герб – с 1222 г. до 1314 г. В 1413 г. графство полностью перешло к короне Арагона.

⁶³ Луна де Рикла – арагонский род.

⁶⁴ Сапата – арагонский род, происходящий от Руи Санчеса Сапата, стольника короля Кастилии Хуана I. Гласный герб рода в разных вариантах содержит три (2,1) чёрных или шахматных башмака (zapatas). Калатаюд – арагонский род, происходящий от рода Сапата. Гербы рода – гербы Сапата – в красном поле три шахматных башмака серебряных и чёрных (2,1); часть рода носят гербами в синем поле один золотой башмак.

§ 37 В. Какова главная причина этих правил?

§ 38 А. Представляется, что те [гербы], что соединяют с золотом и серебром другие цвета, издалика видны лучше, чем те, в которых носят только цвета; и что носить металл с металлом – вредит виду удаленного предмета, который становится размытым, что мешает тому, кто его рассматривает.

§ 39 В. Теперь скажите нам, В[аша] М[илость], о делениях щитов.

§ 40 А. Много есть тех, кто носят свои щиты без делений, как король Франции, который носит свои три геральдических лилии. И при этом есть некоторые, кто носят не более одного цвета или металла, как Менезес, которые носят только золотой щит⁶⁵, о которых в одной книге говорится *mal assada de los Menesses* (плохо приготовленная рода Менезес), что означает «яичная лепешка» (*tortilla de huevos*), каковую я не видел в подлинной книге. Делится щит на две части четырьмя способами. Сверху вниз, что называют [делением] столбом (*en palo*), как в гербах Понсе де Леон⁶⁶, убрав кайму, которую несут королевские гербы Арагона и Леона (Рис. 13). Или делится чертой поперёк, что называется [делением] поясом (*en faja*), таким образом (Рис. 14). Или же углами (*por cantones*), то есть от верх-

---

⁶⁵ Менéзес (правильнее Менесес), знатный испано-португальский род. Известен с XII в. Начало роду положил Тело Перес де Менезес, сын французского крестоносца Бертрана де Рейнеля и побочной дочери королевы Кастилии Уракки. Род пользовался влиянием и могуществом в XIII–XIV вв., многочисленными брачными узлами связан с португальским и кастильским королевскими домами. Герб рода – сплошное золотое поле без каких-либо делений и фигур. Родовая легенда объясняет это притязанием на происхождение рода от римских императоров. Часть рода носит в золотом поле синие цепи правой перевязью.

⁶⁶ Пóнсе де Леóн – знатный андалусийский род. Происходят от графов Тулузских из Херес де ла Фронтера. Современником А. Агустина был Педро Понсе де Леон, епископ Сьюдад Родриго (1550–1560 гг.) и Пласенсии (1560–1573 гг.). Герб – рассечённый, в 1 серебряном поле восстающий красный лев, во 2 золотом четыре красных столба. Кайма синяя с восемью золотыми щитками препоясанных синим или с чередованием синих поясов.

ней правой части до нижней левой, и это называется [делением] перевязью (*en vanda*) таким способом (Рис. 15)⁶⁷. На три равные части делится щит, делением мантией (*en mantèl*), как это носят многие в Кастилии, хотя в Арагоне оно малоупотребительно, и [ещё] меньше в Каталонии и Франции, и это такого вида (Рис. 16). Как в гербах рода Энрикес⁶⁸, которые носят два замка в двух верхних третях, и одного льва в нижней, королевских цветов. Также на трети делится, когда занимает треть щита, что можно сделать многими способами: столбом, когда сверху вниз идет полоса (*bastòn*) посередине щита, таким образом (Рис. 17). Или поясом, как в гербах эрцгерцогов Австрии, которые есть серебряная полоса в красном поле, таким образом (Рис. 18). Или перевязью, [щит с] которой часто бывает существующим в таком виде, как здесь это помещено (Рис. 19). Имеется также деление одной линией поясом по ширине [т.е. горизонтально], отделяющее треть щита в его верхней части таким образом (Рис. 20). Таковое делается, чтобы почтить некоего своего старшего, как поступают новые кардиналы, которые в этой главе щита помещают гербы папы, который возвел их [в сан]. И также новые кабальеры стремятся поместить там гербы короля, который сделал их кабальеры. Так носит [род] Хиронес⁶⁹, старинные кабальеры, – замок и льва с королевскими цветами в этой части – и внизу [герб рода] Хиронес – два клина. Про него говорят, что он не очень древний, поскольку древние не несут такового [элемента]; но настаивают на том, что это

---

⁶⁷ В данном случае имеются в виду деления – расщепление, пересечение, скошение вправо.

⁶⁸ Энрикес – один из самых могущественных кастильских родов с многочисленными сеньориями. Происхождение рода восходит к инфанту Фадрике Кастильскому (1333–1358 гг.), побочному сыну Альфонсо XI Справедливого и Леоноры де Гусман. Герб – с делением мантией, в 1 и 2 красном поле золотой замок, мантия серебряная с восстающим красным львом.

⁶⁹ Хиронес – испанский знатный род, происходящий от рикоомбре Альфонсо V и Бермудо III Пелайо Фруэлы (X в.). Гласные гербы – в золотом поле три красных клина (*jirones*).

частная милость сеньоров де Оссуна⁷⁰. Точно также оставляется треть щита в нижней части (Рис. 21), как это видно в гербах [рода] де Луна⁷¹: каковые есть серебряный месяц в красном поле, [и одни из которых] носят эту часть серебряной; а другие – с шахматным месяцем в серебряном поле – носят эту треть щита с золотыми и чёрными шахматными клетками. Другое деление гербов состоит из фигуры перевязи, как треугольник, которую, полагаю, французы называют стропилом (*хеброн*), однако в Кастилии оно малоупотребительно. В Германии, Фландрии, Франции и Каталонии его употребляют часто и зовут стропилом (*хегон*, о *хамблон*), которое делается таким способом (Рис. 22). В Арагоне и Кастилии самые употребительные [фигуры] – кайма (*орлас*) и кресты (*срусес*), о которых не сообщаю все различия, которые помещают другие, кроме только самых простых. Эта кайма (Рис. 23), очень употребительна в Арагоне и Кастилии, и мало в Каталонии, Франции, Фландрии и Германии. Таков крест (Рис. 24); и [среди видов] каймы есть некоторые, которые все из одного цвета, как сказано выше, и поверх неё – звёзды, косые крестики (*аспас*), кресты, розы, щиты или подобные вещи, различного цвета или металла. Другие [состоят из] шахматных клеток следующим образом (Рис. 25). Щит делится также на четыре равных части, и это делается двумя способами. Один – общий способ [деления] четвертями (*кватртелес*) (Рис. 26). Другой – помещает крест таким образом (Рис. 27). И четверти такого вида называются клиньями (*гиронес*), как их

⁷⁰ Речь идёт не об андалусийском роде де Осуна (герб – рассечённый, в 1 красном поле серебряный замок, во 2 серебряном правая зелёная перевязь, выходящая из пастей драконов с красными языками, сопровождаемая двумя головами дев естественного цвета по одной с каждой стороны), а о герцогском достоинстве, дарованном 5.10.1562 г. Педро Телес-Хирон (герб – пересечённый, в 1 гербы Кастилии и Леона, во 2 три красных клина – герб Хиронес, кайма шахматная золотая и красная, обременённая пятью синими щитками с серебряным косым крестом).

⁷¹ Луна – арагонский род, получивший имя по названию сеньории. Герб – в красном поле опрокинутый полумесяц шахматный золотой и чёрный, оконечность такая же.

носят в королевских гербах Сицилии, графы де Урхель, герцоги де Кардона и другие; и эта форма более употребительна в Каталонии, чем в других краях. Некоторые пользуются другой формой деления щита, которая состоит из пяти частей, таким способом (Рис. 28). Однако она очень мало употребительна. Другие помещают в середину поверх четвертей один маленький щит, как в королевских гербах для государств Фландрии и Австрии, и это [делается] таким способом (Рис. 29). Это самые основные части, на которые делится щит.

§ 41 **В.** В[аше] В[ысокопреосвященство], сказали, что столб (bastòn), пояс, перевязь занимают третью часть щита. Если будет два, три или более столбов, поясов или перевязей, одну треть займет каждая [фигура] или все вместе?

§ 42 **А.** Если каждая будет занимать третью часть, не останется места для поля, которое должно быть столь же, или немногим более, просторным, чем то, что помещается на нём.

§ 43 **В.** Я не вполне это понял.

§ 44 **А.** Если некто носит один пояс, скажем, красный в серебряном поле, пояс будет на поле, и занимает третью часть щита; и две другие части придутся на поле; одна вверху щита, и другая внизу. А если некто носит два пояса, то каждый из них занимает шестую [часть], и остальное четыре шестых распределяются в пространстве, которое имеется между двумя поясами, главой, и концом щита.

§ 45 **С.** Не получается ли, что между поясом и поясом остается другое такое же пространство, которое занимает один пояс?

§ 46 **А.** Будет так, два пояса и это пространство занимают три шестых, которые являются половиной щита, и вверху будет иметься шестая часть с половиной, и внизу другая такая же [часть]. Однако по причине некрасивости, считаю лучшим, чтоб имелась посередине шестая [часть] и одна треть, и столько же вверху, и то же самое внизу.

§ 47 **В.** Если будет три пояса, как они делятся?

§ 48 А. Тем же самым образом. Три пояса занимают одну треть. Тогда каждый из них занимает девятую часть. Другие шесть девяток делятся в двух незанятых пространствах, которые имеются между двумя поясами, и то же сверху и внизу щита, которые занимают девять с половиной [частей]. Это не делается с такой точностью при наличии многих частей; достаточно знать, сколько есть поясов или столбов, или перевязей, и делить пространства способом, который окажется пропорционален, и всегда делить щит на обе части одним способом. В поясах сверху и внизу щита должен быть цвет или металл поля; в столбах по краям щита; в перевязях [остающиеся] самый высокий и нижний углы (*canton*), так же (Рис. 30). [Например] носит некто три золотых перевязи в синем поле; верхний угол, два пространства между двумя перевязями, и последний угол внизу щита, должны быть синими. Однако, если некто носит свой щит разделённым столбами, поясами или перевязями таким образом, что каждая [из этих фигур] будет своего цвета или металла, без обозначения [цвета] поля, тогда говорится, что он носит столько-то фигур (*piezas*) столбом (*en palo*) красных и золотых, или синих и серебряных; или столько-то поясом серебряных и красных или золотых и зелёных; или столько-то перевязью (*en vanda*) золотых и синих, или чёрных и золотых.

§ 49 В. Куда должны смотреть животные, которые носят в гербах, [такие,] как, [например] львы и орлы?

§ 50 А. Обыкновенно они изображаются обращёнными к правой руке того, кто носит их в своём щите, которая будет левой для тех, кто на них смотрит. Истинно то, что если имеется другая часть с неким изображением святых, королевских гербов или другой почитаемой вещи, приличнее, если животные обратятся к одной части.

Могут все из одного рода носить одни гербы как сыновья, внуки или правнуки некоего герцога, маркиза или графа, скажем, из дома Мендоса или Кордова, и не толь-

ко перевязь рода Мендоса или пояса рода Кордова⁷², но и шлем, корону и девиз, как отец, дед или прадед, невзирая на то, что и не унаследовали статуса.

В Германии все называются герцогами или другими титулами, и потому могут носить те же самые гербы, без различий. Во Франции наследуют первородные, и только они одни носят основные гербы, без прибавления каймы или другой отметки различия. Но вторые или ещё более младшие сыновья обязаны помещать различия в свои щиты. Одни носят четверти с другими гербами, как дофин, который помещает дельфинов и геральдические лилии. Другие – каймы, как из рода Артуа, как говорит Франсиско Капила). Другие – одну красную, или другого цвета либо металла, бризуру (*restrel*), как те, что из Дома Анжу, и короли Неаполя, и из [рода] Кардона⁷³, такого вида (Рис. 31). Если на концах бризуры имеются некие расширения и там помещается какая-либо вещь, её называют титлом (*lambeaux* o *lambeu*), которое делается таким способом (Рис. 32).

Другие помещают [различие] по краю щита, с обращёнными внутрь остриями, вроде пилы, которое называется каймой или зубчатым бордюром (*orla* o *borde dantea*) такого

---

⁷² О перевязи рода Мендоса см. прим. к § 28. Кордова – андалусийский род, происходят от графов Трава и Трастамара. Гербы – в золотом поле три красных пояса. После 1483 г. в связи с пленением короля Гранады Боабдила гербы изменены: пересечённый, в 1 поле герб Кордова, во 2 серебряном обращённый вправо маврский король с цепью на шее; кайма серебряная с текстом «*Omnia per ipso facta sunt*» – изменённая цитата «Все чрез Него начало быть...» (От Иоанна. Гл. 1.3) чёрными буквами. Род угас в нач. XVII в.

⁷³ Кардона – каталонский род, происходящий от королевского дома Франции. Основатель рода – Раймундо (Рамон) Фольк (ок. 1040–1086 гг.) из дома Анжу, по легенде получивший титул виконта от Карла Великого (в действительности титул виконтов в роду лишь с XI в.); графы с 1375 г.; герцоги с 1482 г. Основные гербы – в красном поле три золотых чертополоха (2,1); существуют варианты с золотым стропилом. Один из представителей этого рода, Пере де Кардона (?–1530 г.) был архиепископом Таррагонским, что было, по всей вероятности, известно А. Агустину и, видимо, его герб с бризурой, напоминающей о родстве с Анжуйской династией, он и имеет в виду.

вида (Рис. 33). Каковое [различие] очень употребительно во Франции, и намного больше в Каталонии, где его носят [роды] Рекезенс, Архентонес, Авиньонес и Маримонес⁷⁴ и другие. Если кайма не имеет заострённых зубчиков, а лишь квадратные, то называется составной каймой (*orla o borde samponea*); и в каталонском Лемузене их называют скребницами (*almoinas*), и изображают таким способом (Рис. 34). Каковые очень употребительны в Каталонии. Другие добавляют одну перевязь, пояс или столб (*baston*), как те, что во Франции из Дома Бурбонов, и в Испании те, [что происходят из рода] королей Кастилии. Встречаются эти вещи в [гербах] родов, что происходят от королей Франции, которые все носят геральдические лилии, но только три [лилии] королевских цветов [не носит] никто кроме короля. Раньше их употребляли много, усеивая весь щит геральдическими лилиями, и так их носят из [рода] де ла Серда⁷⁵ в середине щита разделённого столбом на две части [т.е. рассечённого – АЧ], и основная часть разделена поясом [т.е. пересечена – АЧ] с замком и львом. Ныне мы видим, как их носят, как если бы [носящие] были королями Кастилии и Франции.

§ 51 С. Поскольку они происходят от них, то говорят, что их могут носить даже те, кому это запрещено.

---

⁷⁴ Рекезенс – арагонский род, происходящий от французского королевского дома, известен с XV в. Герб – в серебряном поле три чёрных шахматных ладьи. Часть рода носит четверочастный герб: в 1 и 4 золотом поле четыре красных столба, во 2 и 3 синем три золотых шахматных ладьи, кайма зубчатая серебряная. Архентонес – каталонский род, герб – в зелёном поле восстающий золотой лев с красными вооружениями, зубчатая красная кайма. Герб рода Авиньонес – в зелёном поле серебряный замок, рассечённый синим с тремя золотыми поясами. Герб каталонского рода Маримонес – в серебряном поле синий коронованный золотом лев с красными вооружениями, зубчатая синяя кайма.

⁷⁵ Де ла Серда – кастильский род, происходящий от инфанта Фернандо де ла Серда (1255–1275 гг.), сына Альфонсо X Мудрого. В 1269 г. инфант сочетался браком с Бланш, дочерью короля Франции Людовика IX. Герб четверочастный, в 1 и 4 Кастилии и Леона, во 2 и 3 – Франции.

§ 52 А. Во Франции это считалось бы дурным. Не имеется злоупотреблений, которых в Испании не бытовало бы; и таким образом мы видим гербы, короны и совсем не на своём месте.

§ 53 В. Шлем и нашлемник (сimera), которые много используются со многими украшениями, и некоторые с буквами, можно ли их носить всем лицам, или имеется некое заметное различие?

§ 54 А. Про украшения говорят, что это листья травы аканфа, с листьями очень большими, которая растёт на болотах, и хотят, чтобы они были цветов герба. Нашлемник, если он [происходит] от своих предков, вполне допустим для ношения. Если новый, взятый от какого-либо животного из щита, пусть его держат. Буква, если древняя [принадлежащая] этому роду, пусть у них будет, если желают, или ее наследуют. Если будет новая, то пусть она будет согласно щиту. Прямо обращённый – это шлем королей, герцогов или грандов, а не других сеньоров. Короли носят его с двумя или тремя решётками, а другие [повернутыми] в сторону и с большим числом решёток. Носить его закрытым, [обращённым] вбок и без решёток [надлежит] кабальеро или эскудеро без титула. И этого для начала об этом предмете достаточно.